

Шеф-повар
Александр
Красовский -2

Александр
Санфиоров

Шеф-повар Александр Красовский

Александр Санфиров

**Шеф-повар Александр
Красовский 2**

«Автор»

2021

Санфиров А. Ю.

Шеф-повар Александр Красовский 2 / А. Ю. Санфиров —
«Автор», 2021 — (Шеф-повар Александр Красовский)

Как понятно из названия, это продолжение истории Александра Красовского.
Книга содержит нецензурную брань.

© Санфиров А. Ю., 2021

© Автор, 2021

Александр Санфиров

Шеф-повар Александр Красовский 2

Александр Санфиров

* * *

Говорят, что опытные таможенники могут по выражению лица запросто определить, везет ли пересекающий границу человек что-либо запрещенное.

Видимо, на моем лице было написана полная безмятежность, потому, что таможенник всего лишь лениво заглянул в почти пустой багажник, где кроме инструмента лежала двадцатилитровая канистра с бензином, и сразу его закрыл.

В салоне, он мимолетно осмотрел открытый баул с лежащим в нем блоком Опала, двумя бутылками водки и россыпью банок тушенки и рыбных консервов, и кивнул в сторону границы.

– Проезжайте, счастливого пути.

Я в долгу не остался и тоже пожелал пограницам и таможенникам успехов в их непростой работе.

После нашей таможни, проехать финскую оказалось вообще детским лепетом. Финик глянул документы, попинал протектор на шинах и дал добро на проезд.

Километров двадцать я проехал на автомате, не обращая внимания на окружающее, а затем съехал с шоссе в первый, попавшийся по дороге, карман.

Несколько минут сидел, крепко вцепившись в руль, медленно осознавая, что у меня все получилось, гигантские по нынешним временам деньги благополучно пересекли границу, и теперь главная задача их легализовать с помощью родственников. Ибо самому такой финт можно будет провести, если только попрошу в Финляндии политическое убежище.

С трудом, отцепив побелевшие пальцы от руля, открыл дверь и выбрался на улицу.

Погода сегодня была великолепная, настоящее бабье лето. Посетив туалет, уселся на скамейку, где было сделано место для курения, и зажмурил глаза, подставив лицо неяркому осеннему солнцу.

По шоссе то и дело проносились машины, но в этом заезде, кроме меня никого не было.

– А ведь в той жизни, ты сейчас бы весь сентябрь 1975 года разгружал вагоны с картошкой, – влезли в голову неожиданные воспоминания. – И, приходя, домой, полночи качал люльку с младенцем.

Да, нынче у меня совсем другая жизнь. И началась она лишь три года назад, когда личность вашего покорного слуги, таинственным образом перенеслась пятьдесят лет в прошлое в свое же тело двадцати одного года от роду. Как раз тогда, когда уволенный в запас старший сержант Красовский Александр Владимирович подходил к КПП своей части 185713, чтобы убыть в родной город Петрозаводск.

И с этого момента моя жизнь пошла совсем по-другому. Вместо того чтобы отправиться в Ленинград и там пропить все свои небольшие деньги вместе со школьным приятелем в известном баре Рим на Петроградской стороне, находящимся недалеко от его общаги, я отправился в небольшой вологодский городок Вытегру. Ведь там меня ждала из армии девушка, так и не дождавшаяся моего приезда в той жизни.

На медицинский факультет университета поступать я не стал. Женился на Люде Струниной и начал искать себе другое место в жизни. И тут оказалось, что таинственная сила, забросившая меня в прошлое на пятьдесят лет назад, подбросила мне немалый поварской талант. Закончив торгово-кулинарное училище, я начал работать поваром в ресторане. Благо-

даря жене, работавшей в бухгалтерии Министерства здравоохранения, мы получили комнату в новом общежитии, вступили в члены жилищного кооператива и, вроде бы все у нас было на мази, когда случился новый поворот в моей судьбе.

Встретил я зимой, совершенно случайно, на рыбалке нашего посла в Финляндии, и тот, не мудрствуя лукаво, предложил мне работу повара в посольстве.

Такое предложение бывает раз в жизни, поэтому я, при полном одобрении родственников отправился в соседнюю страну.

Надо признаться, что на этот момент бедным поваренком я уже не был. Так получилось, что в руки мне попал воровской общак, притом достаточно солидный, огромные деньги по этим временам. К сожалению, тратить эти деньги было нельзя, и явилось бы совершеннейшей глупостью с очень неприятными последствиями. Поэтому денежки спокойно себе лежали в тайнике устроенном в подвале дома, где жила моя мама.

В Финляндии меня разыскала после статьи в газете двоюродная сестра моей бабушки по отцу. Наверно, будь у неё свои дети, вряд ли бы она уделила столько внимания своему весьма дальнему родственнику, но за прошедший год мы неплохо узнали друг друга. Бабушка помогла мне с деньгами на покупку автомашины и даже оформила её на себя, дав мне доверенность на право управления. Иначе, при поездке домой, на мою машину вполне могли покуситься таможенники, потребовав отдать её в пользу государства, раз она является подарком, или выплатить немалую компенсацию за владение имуществом. Возможно, что никаких проблем бы не случилось, даже если бы машина была оформлена на меня, но я предпочел не рисковать.

Именно на этой машине я и возвращался из отпуска на работу, с припрятанными под обшивкой салона деньгами.

К сожалению, мой первый отпуск в этой жизни прошел совсем не так, как хотелось. Видимо события в этом мире несколько отличаются от моего прошлого. Купив билеты на поездку, на теплоходе Нахимов и зная будущее, я был уверен, что с нами ничего не случится. И ошибся. Вместо 1986 года, катастрофа с теплоходом случилась в августе 1975.

Нам с Людой очень повезло. В отличие от нескольких сотен пассажиров, находившихся на нижних палубах и в каютах, мы стояли на прогулочной палубе, и нам не пришлось прорываться наверх по лестницам тонущего корабля среди обезумевшей толпы. Мы просто спрыгнули за борт, не ожидая того момента, когда люди, как горох посыплются в море с резко накренившегося судна. Поэтому остались в числе живых. Правда, потеряв все вещи и документы.

Одетые и обутые сострадательными жителями Батуми, мы вернулись домой, где постепенно начали приходить в себя.

Понемногу разобравшись с документами, мы еще две недели отдыхали на даче у друзей. А с сентября отправились на работу. Тунеядцев в Советской стране не уважали и с ними боролись.

Стало вдруг прохладней, и я открыл глаза. Небо закрыли небольшие тучи, и солнце скрылось за ними. Глянув на часы, обнаружил, что сижу здесь почти час. Рядом с моей машиной встали две финские фуры, их водители уселись неподалеку и что-то тихо обсуждали. До меня им не было никакого дела.

Мне тоже некуда было спешить, на работу надо выйти с завтрашнего дня, а до Хельсинки осталось всего сто пятьдесят километров. По этому шоссе потрачу на дорогу чуть больше часа.

Нервное напряжение, в котором я пребывал с момента отъезда, понемногу уходило. Конечно, решиться вывезти пятьдесят тысяч рублей за границу, может не каждый. За такое преступление в нашей стране пока еще грозит расстрел.

Сейчас я сидел на скамейке и охреневал от своей наглости. Теперь ведь придется как-то объяснять своей финской бабушке, откуда у меня взялась такие финансы. По финским понятиям я сейчас миллионер. И хотя вряд ли мне в банке обменяют по советскому курсу шесть-

десять копеек за один доллар, но даже если обменный курс будет в десять раз выше у меня на счету в банке появится десять тысяч баксов.

Да, кстати, о банке. До сих пор не решил, стоит ли мне идти в банк самому, или доверить это дело Ритте, своей бабуле. И еще, не очень понятно, в какой банк отправиться, в финский или любой иностранный, работающий на территории Финляндии. Конечно, через пятьдесят лет, я бы замучался пыль глотать, как однажды высказался наш президент. Ни один банк не принял бы от меня деньги без подтверждающих документов, что получены они на законных основаниях. Но в эти дни такими мотивами никто не заморачивался. Деньги у меня бы приняли в любом банке, заинтересованном в советских деньгах, только вот известности совсем не хотелось. Ну ладно, мне здесь работать еще год, надеюсь, что за это время что-нибудь придумаю.

С такими мыслями, я встал, потянулся. Уселся в машину и покатил в сторону финской столицы.

Быстрая езда хорошо успокаивает, особенно тогда, когда все неприятные моменты остались позади. Так, что в город я въехал уже в отличном настроении.

Естественно, в посольство я не поехал, а направился прямо в квартиру. Надо сказать, когда только начал работать в посольстве, то не видел ничего особенного в том, что мы живем с Петровичем не в учреждении, а в отдельной квартире и имеем возможность свободно ходить по городу.

А мне, к тому же, разрешили выезжать к родственникам. Спустя некоторое время, поговорив с работниками и особенно комендантом, я понял, что такая лафа случается не часто и не везде. В других странах, особенно на Востоке, в посольствах, бывает, живут, как в осажденном лагере.

Ну, я в другие страны не собирался, Мне неплохо жилось и здесь.

Поставив машину на привычное место, я поднялся в квартиру и сразу почувствовал, что Петровичем здесь уже не пахнет.

Мой новый коллега Анатолий Владимирович Семенихин пользовался совсем другим парфюмом и, похоже, это был тройной одеколон.

– Надеюсь, он его не пьет? – подумал я, заходя в свою комнату. В ней за прошедший месяц ничего не изменилось, разве, что на полированной столешнице прикроватной тумбочки лежал приличный слой пыли.

Пройдя на кухню, я обнаружил, что Толян является большим аккуратистом, чем Силантьев, Все вокруг сияло и блестело. Мне стало так стыдно, что я достал из стенного шкафа ведро и швабру и отправился наводить порядок в своей комнате. Ну, заодно протер пол еще и в общем коридоре.

После этого заварил кофе и в одиночестве смаковал его сидя за кухонным столом. Если честно, мне было хорошо. В отпуске шансов побыть наедине с собой практически не имелось. За прошедший год работы за границей я успел привыкнуть к тому, что живу один, и то, что у меня есть жена, с которой мы находимся рядом и днем и ночью, слегка раздражало и лишало чувства комфорта.

В первые дни после моего приезда это было не так заметно, как в дальнейшем. Поэтому я с удовольствием возился на даче с машиной, а Люда с соседкой ходила собирать грибы и ягоды. Видимо мы, еще слишком мало прожили друг с другом, чтобы все время быть на одной волне.

Конечно, если бы я никуда не уезжал, через некоторое время все пришло в норму, и мы вновь друг к другу притерлись. Кстати Люда испытывала те же эмоции, что и я, только, в отличие от меня не понимала причины дискомфорта. Однако последние три дня перед отъездом мы не выбирались из кровати, как бы пытаясь компенсировать те дни, которые отдыхали друг от друга и в расчете на будущее.

Крепкий кофе моментально стимулировал мыслительные процессы, к тому же, сразу куда-то подевалась сонливость. Все же я улегся на кровать и снова начал обдумывать, как

поступить со своим богатством. Самому идти с такими деньжищами в банк не хотелось, я был уверен, что если открытие счета и останется тайной для сотрудников посольства, то для сотрудников иностранных разведок узнать об этом не составит труда.

– Нет, придется привлекать Ритту к этому делу. Возможно, она что-нибудь посоветует, – решил я и попробовал заснуть.

Но сна не получилось. Голодные позывы желудка не дали такой возможности.

Короче, надо было чем-то перекусить, чашка кофе только усилила аппетит. А в магазин идти было не с чем, валюта в карманах отсутствовала, как класс. Её, в общем, и раньше там много не водилось. Наше советское государство рассуждало как? Зачем работникам посольства нужна зарплата в чужой стране? Ни за чем. Гораздо проще начислять ее в Союзе и выдавать по приезду в рублях и чеках Внешторгбанка. И не тратить зря драгоценные валютные резервы. Поэтому в наших карманах финских марок всегда имелось по минимуму, необходимому для существования, но отнюдь не для покупок иностранного дефицита. Оттого и питались многие, привезенными из дома макаронами, рыбными консервами и грузинским чаем, только, чтобы сохранить драгоценную валюту. Кстати, Петрович именно так приобрел свои Жигули, купив их в «Березке» на чеки Внешторгбанка. Не было у него в Финляндии такой родственницы, как у меня.

Ну, а в моих карманах в настоящий момент даже пенни не завалилось.

Зато рыбных консервов, тушенки и ванильных сухарей я привез в достаточном количестве. В холодильнике после непродолжительных поисков была обнаружена кастрюля с остатками макарон.

Так, что через некоторое время я уплетал за обе щеки макароны с тушенкой, поджаренные на сковороде и залитые парой яиц. После испытанных волнений жор на меня напал капитальный.

Ни оставив на сковороде, ни кусочка, я включил телевизор и стал дожидаться своего напарника, который должен был вскоре придти с работы.

Анатолий Владимирович прибыл точно по графику. Заглянув ко мне в комнату, он довольным голосом произнес.

– Привет отпускник! Я, как увидел твою машину во дворе, сразу понял, что ты прибыл, сейчас переоденусь, потом чайку выпьем, да поговорим, расскажешь, как тебе отдыхалось.

– Да, ты что!!! – удивленно воскликнул он, узнав, что мы с женой были в отпуске на теплоходе Адмирал Нахимов, – Ну, вам крупно повезло, что остались в живых. Ладно, давай рассказывай, как там на самом деле все было, в газетах ведь все не напишут.

И как я не отнекивался, но кое-что рассказать все же пришлось. Семенихин и дальше бы продолжал вытаскивать из меня подробности катастрофы, но я категорически отказался, сказав, что очень тяжело вспоминать все эти события.

В посольстве, если верить собеседнику, ничего нового не случилось. Но меня периодически вспоминали, и больше всех вспоминал атташе, привыкший заскакивать на кухню за пирожками.

Собеседник особо не распространялся, но я понял, его пирожки чем-то полковника не устраивали.

Толя намекнул, что было бы неплохо отметить мой приезд, естественно, он имел в виду водку, привезенную мной из Союза, но у меня на эти бутылки имелись совсем другие планы, поэтому его слова я пропустил мимо ушей.

Сосед особо и не настаивал, прекрасно все понимая.

Так, что спать мы легли рано, чай не водка, много не выпьешь.

Утром, проснулся по будильнику и сразу отправился на пробежку. Все делал тихо, чтобы не разбудить соседа. Тот все еще ощутимо похрапывал.

Когда вернулся, надеясь, что душ будет свободен, в квартире пахло не заваренным кофе, а красками.

Дверь в Толину комнату была распахнута настежь, а сам Толя ожесточенно сдирал шпателем краску с холста, натянутого на мольберт.

– Доброе утро, – поздоровался я, разглядывая в его комнате две большие картины в позолоченных рамках, висящие на стене.

Трудно было удержаться, чтобы не разглядывать тот праздник живота изображенный на них. На обоих натюрмортах горами лежали фрукты, колбасы, жареные поросята и фазаны.

Сейчас же Толян отскребал с холста написанную масляными красками симпатичную зажаренную курицу, лежащую на фарфоровом блюде.

– Чего ты ее сдираешь? – поинтересовался я. – Здорово ведь получилось.

– Понимал бы чего, – кряхтя, отозвался напарник. – Нет в ней жизненной силы, экспрессии нет.

Надо сказать, что похвалил я художника, так на всякий случай, ну не высказывать же сразу настоящее мнение о его произведениях. Зачем отбивать у человека желание творить?

Убрав сторону мольберт, тот снял с себя синий халат, стряхнул с него на развернутую газету остатки краски и сказал:

– Ладно, на утро все закончил, пора завтракать. Скоро на работу.

– Понимаешь, Сашок, – оживленно говорил Толик, немного погодя, размахивая кружкой с кофе. – Я с детства рисовать люблю. Ну, если уроки рисования не считать, до всего сам доходил, самоучкой. Видел, картины на стене? Я их уже здесь рисовал, вроде неплохо получились.

– Надо же, как интересно, – думал я. – Нехилое хобби у моего соседа. У меня профессия повара была, как хобби в прошлой жизни. А у профессионального повара хобби – живопись. Правда, какая-то односторонняя. Еда на блюдах да фрукты на столе и больше ничего.

– Толя, а почему ты рисуешь одни натюрморты? – поинтересовался я, чтобы поддержать разговор.

Оживление из глаз Семенихина испарилось. Немного помолчав, он признался.

– Саня, таланта мне бы немного не помешало. Не умею людей рисовать, не получаются, и с перспективой беда. Вроде советовался с художниками, а не получается и все.

Зато во всех кабаках, где я работал, мои картины висят, понял? – закончил он на бодрой ноте свое признание.

Пока мы шли к посольству, он все не сходил с этой темы и рассказывал, что в отличие от Москвы, где все от беличьих кистей до хороших красок приходилось доставать по блату, здесь этого добра лежит навалом в магазинах и вроде бы никому не нужно.

Насколько я понял, мой сосед весь тот мизер валюты, который он получил на руки, здесь в Финляндии, успел потратить на свои художественные припасы типа красок, масел, и кистей. Так, что его родне можно будет рассчитывать только на зарплату и чеки, копящиеся на его счете в Союзе.

– Ну, что сказать, молодец, – думал я, шагая рядом с ним. – Такое увлечение стоит уважать.

– Вот ты думаешь, чего это я натюрморты рисую, – перебил мои мысли Толик. – Все очень просто, еще по молодости работал я в одной кондитерской, в Куйбышеве. И там старичок один имелся, делал из крема фигурки на тортах, на работе говорили, что он еще до революции этим делом занимался. Я у него дома побывал, так представляешь, у него карандашных эскизов штук сто на стенах висело, да еще в альбомах сколько, и все фигурки для тортов.

Этот старичок и уговорил меня попробовать самому придумывать эскизы для тортов, а потом дело пошло, я увлекся и начал уже красками рисовать. После его учебы рискнул в Москву податься, у Ирки, жены моей, там тетка жила в пригороде, у нее и поселились. Устро-

ился сначала в ближайшую кулинарию, ну, а затем и на более денежную работу. Настоящий кондитер, Саня, художником должен быть.

– Ого! – мысленно воскликнул я. – Это уже в мой адрес высказывание, мол, сверчок знай свой шесток. Ну, да ладно, я не обидчивый, переживу как-нибудь. Тем более, остался всего год работы в посольстве, в следующем году придется возвращаться в Союз.

В посольстве доложил о выходе на работу коменданту и отправился на кухню.

Зайдя туда, удивленно глянул на столик, за которым мы обычно обедали. На нем стояла ваза с огромным букетом багряных роз.

– Это еще что за сюрприз? – спросил я, подходя ближе и пытаюсь уловить запах от полураскрытых бутонов. – Кто тебе такие букеты дарит?

Однако от роз доносился только запах миндаля и карамели и больше ничего.

Толя смотрел на меня с легкой усмешкой.

– Эх, ты, гегемон, – сказал он, наконец. – Понял, как работают профессионалы!? Догадался хоть, что за розы?

– Так ты из марципана их сделал! – восхитился я.

– Хм, дошло, наконец, молодца. Три дня пришлось время выкраивать, чтобы до ума все довести.

Продолжая разглядывать это чудо, я выдохнул:

– Толя, проси что хочешь, только научи, пожалуйста.

Напарник хитро улыбнулся.

– Не переживай, научу, кого другого бы еще подумал, но у тебя должно получиться.

С полчаса мы работали спокойно, а затем к нам началось паломничество водителей и охраны, их всех, конечно, интересовали подробности катастрофы Нахимова и моего чудесного спасения.

И если первому посетителю я кое-что рассказал, то следующих сразу посылал по известному адресу, мотивируя тем, что нужно работать, а не ласы точить.

Однако Никодимова послать не удалось. Тот, заглянув в двери, коротко приказал.

– Красовский, идем со мной.

– Сергей Геннадиевич, дайте, хоть переоденусь, не в этом же прикиде по посольству ходить.

– Хм, я смотрю ты, мастер новые слова, придумывать, прикид, надо же! – Никодимов усмехнулся, и попросил поторопиться.

Когда мы зашли в его кабинет, он нахмурился и сказал:

– Я уже в курсе твоих приключений. Неплохо, что ты держишь язык за зубами и особо не распространяешься на эту тему.

Хотел бы тебя попросить и дальше вести себя подобным образом. Особенно со своими родственниками. Поменьше ужасов рассказывай и больше о том, как хорошо были организованы спасательные работы. Хоть родственники у тебя и престарелые, мало ли где, что ляпнут, а нам в финской прессе плохие комментарии о нашей стране не нужны. Как комсомолец, ты должен понимать, что это вопрос политический.

– Конечно, Сергей Геннадиевич, все ясно, я и так особо не распространялся, очень уж воспоминания тягостные.

– Понятно, понятно, – Никодимов побарабанил пальцами по столу. – Не в службу, а в дружбу, расскажи хоть мне, как там все происходило.

Мысленно вздохнув, я приступил к рассказу.

Надолго Никодимов меня не задержал, получив ответы на интересующие его вопросы, спросил, продолжим ли мы заниматься айкидо, после чего отправил на работу.

Мой новый напарник в отличие от Петровича особым любопытством не страдал, и лишнего, не спрашивал.

Зато по работе, он был намного въедливей. И частенько упрекал меня в криворукости и незнании массы поварских тонкостей.

К вечеру, когда мы, закончив с основной работой, уселись перекусить, он с вздохом сообщил.

– Красовский, ты для меня загадка века. Смотрю на тебя и вижу пацана, недавно надевшего поварской колпак. И никак не возьму в толк, почему при всех этих делах продукт ты зря не переводишь. Хотя ухватки у тебя отработаны.

Скажем, сегодня ты гуляш делал. Дело нехитрое, в любой столовке его приготовят, а я смотрел и думал, что сейчас все это добро у тебя пригорит. Ан, нет, ни фиги не пригорело. Вот как это получается? Верил бы в бога, сказал, что тебе он помогает.

Смотря на озадаченное лицо коллеги, я мысленно посмеивался. Ну да, за год учебы и два года работы трудно стать настоящим профессионалом. Но за моими плечами лежала целая жизнь. Надо признаться, что и работа с Петровичем очень помогла. Рядом со специалистом высочайшего класса хочешь, не хочешь, а чему-нибудь научишься. Тем более что он на меня так не наезжал, как Толик.

Но поучиться и у нового напарника было чему. Именно поэтому я полностью взял на себя готовку первых и вторых блюд, оставив ему кулинарию. Если не считать торта птичье молоко, ничем особым в приготовлении сладостей я не блистал.

Ведь знание рецептов, это далеко не всё, что нужно знать для их приготовления. Поэтому я в оба глаза следил, как Анатолий Владимирович священнодействует в своем углу. Из-за чего чуть не пригорел мой гуляш. К счастью, отдельного кулинарного цеха мы позволить себе не могли, и все что творил мой напарник было полностью у меня на виду.

И сейчас вместо роз из марципана, исчезнувших в неизвестном направлении, на его столе красовался круглый кремово-бисквитный торт. Таких красавцев сейчас ни в наших, ни в финских магазинах, днем с огнем было не найти.

Естественно, мне надо было заниматься своими делами, поэтому многие этапы я пропускал, но не без основания надеялся, что за оставшийся год изрядно подниму свое мастерство.

Через пару дней я втянулся в работу, и периодически казалось, что никакого отпуска у меня не было, а все летние приключения просто приснились.

К концу сентября я получил письмо от жены, в котором она с гордостью сообщала, что поступила на заочное отделение Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского.

– Отлично! – удовлетворенно подумал я, читая эти строки. – Не прошли даром мои слова, пусть учится, не всю же жизнь в бухгалтерии зарплату начислять. Хм, а ведь, когда вернусь, она и на меня наедет с требованием учебы. Подобные намеки уже появлялись с её стороны.

Зато второе письмо от нее, пришедшее всего через три дня было полно восторгов. Строительство нашего кооперативного дома, шедшее целый год ни шатко, ни валко, и находящееся на стадии фундамента, вдруг резко ускорилося.

И строители клятвенно обещают осенью следующего года сдать его приемной комиссии.

У меня, в отличие от Люды, эта новость восторгов не вызвала. Цену обещаниям строителей я хорошо знал. Но с другой стороны, будет совсем неплохо, если, вернувшись в Союз, мы переедем в новую квартиру.

Ритта тоже позвонила почти сразу после приезда, в гости не приглашала, но обещала сама приехать в октябре.

Ну, в октябре, так в октябре. И мои пятьдесят тысяч рублей пока продолжали лежать за обшивкой салона автомашины.

Мой напарник с удовольствием вернул мне обязанность закупать продукты для посольства. И вообще, он приказом коменданта был назначен старшим поваром. А я и не спорил, чего спорить, мой коллега был два раза старше и намного опытней. Ему и с документацией возиться. К примеру, калькуляцию блюд он делал за пятнадцать минут, когда мне приходилось для этого тратить не меньше часа. В принципе, закуп продуктов входил в обязанность коменданта, но он спокойно переложил ее на наши плечи. Не забывая при этом методично проверять все чеки и закупленные продукты.

Действительно, какой смысл, кататься по магазинам, не имея возможности что-либо купить для себя, только нервы портить.

Мне, честно говоря, тоже не особо хотелось этим заниматься. Ездили мы, как правило, вдвоем с водителем хозяйки, очень деловым и въедливым товарищем. От такого скрыть визит в банк вряд ли удастся.

Вскоре все вошло в привычную колею. Работа, вечером тренировка с Никодимовым. Отдыхали мы с Семенихиным через воскресенье. В городе в выходной делать было абсолютно нечего. А дома только смотреть телевизор.

Очень раздражала возросшая активность комсомола. У нас появился новый комсорг из дипломатов. Парень был с амбициями и видимо хотел ускорить карьерный рост благодаря новой должности.

Обслуживающему персоналу посольства увеличивающееся количество комсомольских собраний не нравилось, а уж как не нравились еженедельные политинформации, просто не передать.

Вообще, проведение политинформации это была еще та картинка.

Для этого собирался весь наличный обслуживающий персонал, подходящий по возрасту, охранники, повара, сантехник, и прочие. У членов партии была своя свадьба. Собирались, как правило, на втором этаже в так называемом музыкальном зале. Приходил наш комсорг советник посольства Вадим Александрович Крапивин, насколько я знаю, ему скоро должно было исполниться двадцать восемь лет, после чего он покидал комсомол и переходил в кандидаты в члены КПСС.

И вот очередной бедолага, охранник, потяя, раскрывал газету «Правда» и начинал оттуда зачитывать передовицы, о событиях в нашей стране, а затем, запинаясь, читал, как плохо живет рабочему классу в капиталистических странах. Редкие статьи, касающиеся Финляндии, в этом случае пропускали, потому, что мы все видели, как «тяжело» живут рабочие и крестьяне в этой стране.

Сам Крапивин, с брезгливой миной выслушав очередного докладчика, завершал политинформацию словами о том, что мы находимся в капиталистическом окружении, в связи, с чем всем комсомольцам необходима бдительность и уверенность в правоте своего дела.

Все было бы ничего, но он решил еще больше усложнить нашу жизнь и вспомнил о Ленинском зачете. Эта бодяга началась со столетнего юбилея Ленина в 1970 году и до сих пор была актуальна. В прошлом году наш комсорг, начальник охраны Павел Еремин, полностью забил на этот зачет, зная, что его контракт заканчивается, а комсомольской работой в Союзе он заниматься не собирался.

Не понимаю, зачем этот зачет понадобился Крапивину, но активность он развил большую, как он успевал совмещать ее со своей основной дипломатической работой, не представляю.

Хотя чего не представлять, надо всего лишь найти помощников в этом нелегком деле. И он их нашел.

– Слушай, Красовский, – как-то раз обратился он ко мне, зайдя к нам на кухню. Я тут личные дела комсомольцев смотрел. Так ты, оказывается, старших классах комсоргом работал. И с комсомольской работой неплохо знаком.

– Ну что вы говорите, Вадим Александрович, какая комсомольская работа, – привычно заныл я, собираясь отмазаться от лишней нагрузки. – Вы сами подумайте, уже семь лет прошло с того времени, да и что я там тогда делал? Только взносы по две копейки собирал.

И тут Крапивин нанес добивающий удар. Сощурившись, он глянул мне в глаза и сказал:

– А еще я читал вашу характеристику из рядов Вооруженных Сил, подписанную заместителем командира роты по политической работе.

Тут он вынул из кармана сложенную бумажку, развернул ее и громко зачитал:

– За время службы в рядах Советской армии старший сержант Красовский Александр Владимирович проявил себя грамотным, знающим военным служащим, строго выполняющим требования уставов и приказы вышестоящих начальников. Пользовался заслуженным уважением командиров и рядового состава. Достоин исполнять свои обязанности на должности заместителя командира взвода. Был избран комсоргом роты и успешно работал на этом посту до увольнения в запас.

Своей добросовестной службой и примерным поведением старший сержант Красовский Александр Владимирович доказал, что делу Коммунистической партии и Родины предан.

– Блин! – мысленно воскликнул я. – Кагебэшники даже до характеристики армии докопались. Ну, спасибо тебе лейтенант Табаков за отличные рекомендации, чувствует моя задница, что в скором времени быть мне комсоргом нашего посольства.

Мои предчувствия оправдались.

– Понимаешь, Александр, – фамильярно продолжил Крапивин. – Мне через три месяца исполняется двадцать восемь лет, я в комсомоле формально нахожусь, так, как уже полгода являюсь кандидатом в члены партии, поэтому вам комсомольцам надо задуматься о выборе нового комсорга. Мне кажется, что у тебя есть шансы занять это место.

Кстати, при таком раскладе, возможно, что посольство продлит твой контракт еще на один год. – С легкой улыбкой на губах закончил он свою речь, поманив, по его мнению, меня вкусным кусочком сыра.

– Вадим Александрович, – доверительно обратился я к дипломату. – Вы, наверно, не полностью просмотрели мою анкету. Хотя, вполне возможно, что в неё не успели добавить новые данные. К сожалению, у меня имеются родственники в Финляндии, дальние, правда. Поэтому я сильно сомневаюсь, что ваше предложение пройдет.

Всю вальяжность моментально сдуло с лица собеседника, и даже появилась некоторая суетливость в движении.

– Как же так? – растерянно пробормотал он. – Мне же Никодимов давал твое дело на ознакомление. – Странно, он ничего о твоих родственниках не сказал.

Тут собеседник резко замолчал и осторожно глянул в мою сторону.

– Ну, ладно, Красовский, мы еще с тобой поговорим, а сейчас готовься, как и все комсомольцы к Ленинскому зачету.

– Конечно, – заверил я. – Готовимся, вон видите, на стене новые социалистические обязательства висят в честь двадцать пятого съезда КПСС, надеюсь их утвердить на комсомольском собрании.

– Молодец, – похвалил Крапивин и быстро покинул наше общество.

– Сейчас начнет вычислять, кто ему такую свинью подложил, – улыбаясь, сообщил Толик, занимающийся ватрушками с творогом и ни слова не пропустивший в нашей беседе.

– В смысле? – осторожно поинтересовался я, хотя все понял сам.

– Ну, как же, Крапивин рекомендует тебя на должность комсорга, человека с родственниками в капстране. И подставляется по полной программе. Во-первых, не знает анкет своих комсомольцев, а во-вторых, если знает, то что-то замышляет. Вот такие дела, – глубокомысленно закончил мой напарник.

Я благоразумно не стал поддерживать этот разговор, на фиг нужно, стучат у нас все, как дятлы, и я в том числе, но было ясно, что все это дело подстроил Никодимов.

Надо сказать, что дипломаты у нас были весьма заносчивыми людьми, а их жены большей частью еще те стервы. Поэтому они не особо снисходили до нужд и дел obsługi. Большинство из них понятия не имело, что у повара посольства имеются родственники в Финляндии. И если бы я не признался Крапивину, тот на полном серьезе, двинул бы мою кандидатуру в массы и попал. В принципе не такая серьезная это была ошибка, но вполне возможно, что из-за нее он не получил бы ожидаемое повышение, или еще что-то, ведь ясное дело, что он тоже является сотрудником КГБ.

Интересно, за что Крапивин попал в немилость к Никодимову, что тот ему такие мелкие пакости творит? – подумал я. – Метит на его место? Вполне возможно. Наше посольство еще та банка с пауками. Хотя не мое это дело. Главное, что от должности комсорга благополучно откосил.

Окончательно это выяснилось через неделю, на отчетно-перевыборном собрании, когда Крапивин выдвинул кандидатом в комсорги делопроизводителя Галину Николаевну Зинченко.

Галю до этого времени я почти не замечал. Это была такая «серая мышка», незаметно появляющаяся на работе и незаметно с нее исчезающая.

Сейчас на собрании, на ее лице мы не видели никакого энтузиазма, по поводу новой нагрузки. Зато все остальные присутствующие комсомольцы резко приободрились.

– Хорошо, что не меня, – было написано на их лицах.

Естественно, что все собрание шло по накатанной дороге. Мы дружно признали отчет комсорга Крапивина удовлетворительным, и выразили благодарность за успешную работу. А затем также единогласно выбрали новым комсоргом комсомолку Зинченко Галину Николаевну.

Поднимая руки, все в душе надеялись, что она не будет нас так давить Ленинскими зачетами, и прочей ерундой, как это делал Крапивин. И мы, приняв новые социалистические обязательства в честь двадцать пятого съезда КПСС, на этом свою комсомольскую работу сможем завершить до следующего года.

В первое воскресенье октября у меня был выходной. Мы с Анатолием Владимировичем договорились, что будем давать друг другу отгулы через воскресенье. Коменданту на это было наплевать, главное, чтобы все те, кто питался в нашей столовой, получили свои завтраки, обеды и ужины, а как мы это делаем, его не волновало. Волновали его совсем другие проблемы, но в Финляндии они были трудно разрешимы. Не то, что в Сирии, или Иране, где такой же комендант посольства ухитрился продать на сторону все унитазы для строящегося здания дипмиссии. Эту историю рассказал мне еще Петрович.

Здесь в законопослушной стране с этим делом было намного сложнее. Хотя я не сомневался, что наш Корней Несторович чем-нибудь да промышляет.

Ритта все же позвонила второй раз и посетовала, что я к ним не приезжаю. Намек я понял и в первый свой выходной за месяц решил съездить к ней в гости, не забыв, конечно, поставить в известность Никодимова.

Выехал рано утром, затемно. Дорога была знакомая. Машина, все свои восемь лет получавшая нормальное техобслуживание, финское масло в двигатель и приличную резину, почти бесшумно пожирала километры. Да, это не в Риттиной жучке катиться, когда Армас дышит в мою сторону перегаром.

К десяти утра я уже был на месте.

Родственники приняли меня приветливо. Ну, как приветливо? Для финнов, так очень здорово. Ритта улыбнулась и кивнула мне головой, когда открывала дверь. А Армас выглянул из кресла качалки, где он читал газеты и, приветственно махнув рукой, издал какой-то неопределенный звук, то ли кашлянул, то ли еще хуже.

До обеда я рассказывал им, как отдыхал дома, куда ездил. Между делом сообщил, что отец хотел бы получить приглашение не только на него, но и на жену. Ритте такой пассаж пришелся явно не по душе. Она тут же начала вспоминать своего деда Ярви, который в свое время обгулял чуть не половину женского населения Суоярви, небольшого городка в Карелии, где их семья жила до войны. И его правнук, то бишь мой папахен, явно пошел в него, раз завел себе вторую жену.

– Не пошлю я ему никакого вызова, – твердо заявила старушка. – Нечего сюда всяких horatsu привозить, их и без неё здесь хватает.

– Однако, у старушки характер не сахар, – подумал я. – То-то её Армас так явно побаивается.

От волнения Ритта даже порозовела, и чтобы её дальше не злить пришлось переводить разговор на другие темы.

Обед был скромный, без изысков, но я другого и не ожидал. После обеда за чашкой кофе Ритта вновь вернулась к теме моего переезда к ним, намекая, что все нажитое имущество она хотела бы оставить мне.

Тут я решил, что пришла пора поговорить о деньгах.

– Ритта, послушай, – обратился я к старушке. – Я смог привезти сюда деньги нашей семьи. Хотелось бы перевести их, или в марки, или доллары, как получится, и открыть счёт на меня в вашем банке.

Благодарное выражение вмиг ушло с лица родственницы. На меня смотрела деловая женщина. Та, что беженкой вместе с отступающей армией попала в Финляндию, не имея ни копейки денег и ни родственников. И за прошедшие годы смогла из посудомойки и подавальщицы в мелкой забегаловке стать владелицей неплохого кафе и хозяйкой большого дома. Вот только бог не дал им с Армасом детей. Видимо, голод военных лет так просто не прошел.

Она не спрашивала, откуда у меня такие деньги, по финским понятиям это крайне невежливо.

Пару минут молчала, видимо, думая, что ответить, а потом сообщила:

– Алекс, у меня есть кое-какие знакомства, но хотелось бы уточнить, сколько именно денег у тебя на руках.

Вместо ответа я вынул из карманов пять пачек сторублевых и положил на стол.

Ритта сняла резинку с одной пачки и задумчиво повертела в руках одну банкноту.

– Интересно, вроде бы до войны в России были другие деньги, Это ведь Ленин на банкноте изображен? – задумчиво спросила она.

Я подтвердил.

– Да, бабушка, такие купюры у нас начали выпускать с 1961 года, а ты, значит, еще довоенные помнишь.

– Почему бы и нет, – улыбнулась та. – Мне в сорок первом году уже тридцать четыре года исполнилось, я сучкорубом в леспромхозе работала.

Я неверящим взглядом смотрел на сухую фигурку бабули. Неужели она могла обрубать сучки тяжелым топором?

– Что не верится? – улыбнулась она. – Я в молодости сильная была, не то, что сейчас. Правда, Армас?

Толстяк, внимательно разглядывающий деньги, сразу подтвердил.

– Да Ритта очень сильная была и красивая.

Он встал и вышел из кухни и скоро пришел назад с толстым альбомом. На его первой странице была вставлена в рамку их свадебная фотография. Ритта в свадебном платье действительно оказалась довольно крупной женщиной, правда, красивой ее мог назвать только, тогда ещё стройный Армас, стоявший рядом с ней с глуповатым видом.

Как-то незаметно тема моих денежных средств ушла на второй план, перейдя в рассмотрение семейного альбома. Видимо, до Ритты еще не дошло, сколько марок можно получить за мои пятьдесят тысяч рублей, если обменять их с умом.

К счастью, в толстом альбоме фотографий имелось немного. У Ритты фотографий родных почти не было. Только фото матери и пресловутого деда Ярви, на которого, действительно, очень был похож мой отец. У Армаса фотографий имелось больше, но в основном родителей и брата с женой.

Покончив с альбомом, мы вновь вернулись к моим деньгам.

Ритта, аккуратно сложила разлетевшиеся по столу купюры в пачку, перетянула её резинкой и спросила.

– Алекс, ты оставишь у меня эти деньги, или заберёшь с собой?

Думал я недолго. Дома у меня оставалось сто шестьдесят пять тысяч рублей. И даже если с Риттой что-то произойдет и деньги пропадут, ничего страшного не случится. Как деньги пришли, так и ушли.

– Бабушка, конечно, оставлю. Если что-то у тебя получится сделать, просто позвони и попроси приехать в гости, по телефону ничего говорить не надо.

– Я понимаю, – с серьёзным видом ответила Ритта. – мы знаем, что за вами следит Кагебе, у нас в газетах постоянно об этом пишут. До того, как я тебя нашла, мне это было читать не интересно, а сейчас всё читаю, что пишут о Советском Союзе. Вот собираюсь на могилу родителей съездить, мне говорили, что сейчас это можно сделать. Хочется побывать в местах, где молодость прошла, пока ещё жива.

Вечером в сторону Хельсинки я возвращался с чувством исполненного долга.

Что не говори, а деньги, спрятанные в машине, меня изрядно напрягали.

Странно было испытывать облегчение, расставшись с суммой, на которую сейчас можно было купить десять двухкомнатных квартир. Притом отдал я эту сумму просто в руки дальней родственницы, без всяких расписок и прочих ухищрений. Но я уже решил, будь, что будет. Если что, как пришли, так и ушли. Плакать не буду.

Что это рожь у тебя такая довольная? – поинтересовался сосед, когда я с пакетом всяческой снеди ввалился в квартиру. – Никак подарков надарили?

– Хм, ну не буду же объяснять, что, наконец, избавился от возможных неприятностей с хранением денег в машине, – подумал я.

– Ну, моя бабушка считает, что, несмотря на профессию, кормят меня плохо, поэтому снабжает допитанием, в основном молочным, так, что чего мне быть недовольным, сейчас вот сметанки полопаем, – сообщил я Семенихину и, подойдя к холодильнику, начал выкладывать в него сыры, молоко, сметану и прочие деликатесы с молокозавода Тойво Пеккарайнена.

– Неплохо, однако! – уже за ужином оценил Толик яства от Пеккарайнена. – Мне, кстати, в такой упаковке здесь сыры еще не попадались.

– Наверно, его продукция вся в Ионсуу расходуется, и смысла не возить в Хельсинки, – предположил я.

– Наверно, – согласно мотнул головой Семенихин, намазывая толстым слоем желтое масло на белый ноздреватый хлеб, слегка пахнущий дрожжами.

– Эх, благодать! – вздохнул он, умяв полбуханки хлеба с маслом и сыром и запив все это кружкой кофе. – Хорошо финны живут. Мне перед отъездом письмо от сестры из Иваново пришло, так она писала, что сливочное масло у них в магазинах пропало.

– Э, дружок, я в такие игры не играю, – подумалось мне. – В Союзе, на кухне я бы такой разговор поддержал, а здесь на фиг надо. Слишком разговорчивые индивидуумы у нас быстро домой возвращаются.

– А я в Петрозаводске, совсем недавно перед отъездом заходил в магазин, так на прилавке лежало масло нашего молокозавода, соленое, несоленое, шоколадное и Вологодское, и никаких очередей, – сообщил я, как бы между делом.

Самое интересное, что нисколько не сочинял. Если с мясом у нас начались проблемы с началом семидесятых годов, то масло периодически стало пропадать только в начале восьмидесятых. Ну, а с середины восьмидесятых, как только к власти пришел известный комбайнер, пропало абсолютно всё и даже водка. А к перестройке по талонам продавалась и перловка.

Толян мне явно не поверил, но промолчал, видимо понял, что не тот разговор завел.

До Нового года, Ритта приехала ко мне один раз, привезла опять сумку молочки. Она подгадала к моему выходному, поэтому нам никто не мешал обсуждать все, что угодно. Но старушка всерьез приняла мое предупреждение об осторожности, и все время посматривала на стены комнаты, как бы выискивая место, где спрятаны микрофоны Кагебэ.

Поэтому разговор о деньгах она завела только, когда я вышел проводить ее к машине.

– Алекс, мне пришлось поднять старые связи, чтобы выполнить твою просьбу, и обменять твои деньги на доллары, – задумчиво улыбнулась бабуля. – Посоветовалась со знающими людьми и решила счет не открывать. Тебе ведь огласка не нужна, и вопросы могут возникнуть у налоговиков. Так, что все деньги тридцать девять тысяч долларов положены на хранение в ячейку в Дойче банке. Никто, кроме нас не знает, что там хранится. Я арендовала ее на твое имя. Вот, смотри, сколько пришлось потратить из твоих денег.

Тут Ритта протянула мне листок, где каллиграфическим почерком были выписаны все ее расходы по этому делу.

Когда я, не читая, машинально сунул бумагу в карман, бабушка воскликнула.

– Алекс! Я дала тебе этот листок, чтобы ты его прочитал и уничтожил, а не убирал в карман. У вас в стране очень сильная спецслужба. Мы с Армасом недавно фильм посмотрели о Джеймсе Бонде, так даже тот с трудом убежал от них. Немедленно достань и прочитай, сразу отдашь мне, я увезу домой и сожгу.

Мысленно я посмеялся. Ритта уже художественный фильм воспринимает, как реальность.

Пришлось, чтобы не волновать пожилого человека, хотя с моей точки зрения она вполне себе молодежь, даже семидесяти лет не исполнилось, внимательно ознакомиться с расходами и доходами, после чего листок отдал Ритте, а взамен получил ключик от сейфа.

– Ну, и где мне этот ключик хранить? – сразу озабочился я этой проблемой. – Ладно, пока я в Финляндии, можно спрятать его в машине. В Союзе такой номер не пройдет. Машину могут украсть, ограбить и прочее. Ну, бог с ним, приеду домой, тогда буду разбираться.

Проводив Ритту, я ушел домой. Вроде бы на улице было не слишком холодно, но я капитально продрог.

Сняв куртку и оставшись в толстом свитере, я поставил чайник. Выпив вприкуску чашку крепчайшего чая, глянул на часы. До прихода соседа оставалось еще немало времени. Но организм чего-то требовал.

– Выпить что ли, ради такого события? – подумал я и полез под кровать, где в чемодане сиротливо лежала бутылка Столичной.

Но пить одному оказалось не в кайф, поэтому, дернув рюмашку, я занялся приготовлением ужина.

– Вот это да! Чего празднуем? – воскликнул Толик, зайдя в дверь. – Чувствую, пахнет вкунятиной!

– Ритта приезжала, опять всякого навезла, – объяснил я причины праздника. – Давай раздевайся и к столу, будем дегустировать Столичную.

– Ни фигасе! Бутылку не пожалел! – удивленно протянул сосед. – Ну, ты даешь, столько марок пролетело зря. Хотя тебе чего беспокоиться, у тебя родня есть, не то, что у меня, сироты казанского.

– Ладно, ладно, хорош прикидываться сиротинушкой, у тебя родни, как у дурака фантиков, – ответил я и первым уселся за стол, подавая пример напарнику.

Так, то оно так, – вздохнул Семенихин. – только моя родня в Москве, да в Иваново, а твоя тут под боком.

После этих слов мы молча посмотрели друг на друга, улыбнулись и больше скользких тем не касались. Допив бутылку, перебазировались в комнату Толика, где он, усевшись за мольбертом, начал объяснять мне особенности сервировки стола в зависимости от цели встречи, времени дня и прочего.

– Скажи-ка мне Александр, какая вилка должна лежать справа от тарелки? – спросил он, смешивая краски на палитре.

Мысленно я усмехнулся. Толик задавал вопросы нечестно. Скажите, где в Советском Союзе в это время подавали устриц? Практически нигде. И я вполне мог не знать, что единственная вилка, лежащая справа нужна для устриц.

– Ишь, ты! знаешь, оказывается! – воскликнул напарник, после того, как я ему сообщил правильный ответ. – Интересно, получается, недавно вылез из своего медвежьего угла и уже в курсе, как устриц едят. Я, к примеру, о твоей Карелии только здесь и узнал. Мне, когда сказали, что напарник у меня оттуда, так я сначала на Корею подумал, удивился еще, что с корейцем работать придется. Даже обрадовался, раскатал губу, что ты меня в корейской кухне подтянешь, а то я в ней не в зуб ногой. Только морковку по-корейски умею делать.

– Значит, корейских блюд ты вообще не видел, – сочувственно сообщил я. – В Корее о твоей морковке никто знать не знает.

– Это как? – удивился собеседник.

– Да очень просто, придумали её не так давно корейцы, живущие в Средней Азии. Скушали по своей любимой кимчи, а пекинской капусты у них не имелось, вот и заменили её морковкой, а специи чесноком. Так, что её скорее надо советской назвать, или среднеазиатской.

– Ха-ха-ха, – засмеялся Толик. – В Москве в одном кабаке, названия не скажу, когда подают эту морковь, то намекают, что только у них она настоящая, потому, что её повар из Пхеньяна делает. Во врут, окаянные!

А чего ты там о кимчи говорил, или как её там?

Пришлось объяснять ему, что такое кимчи и с чем его едят. Я, правда, не мог его есть вообще. Казалось, что во рту жгучая, кислая бомба. Чтобы привыкнуть к корейской еде, надо жить в Корее с детства.

Тем не менее, Толик достал толстый блокнот и в него аккуратно переписал рецепт кимчи. Ну, насколько я его помнил. Вполне мог перепутать пару пряностей.

Увы, сегодня только седьмое декабря 1975 года и об Интернете можно только мечтать. Сейчас самый полный список рецептов в стране, это книга о вкусной и здоровой пище. И только в таких толстых блокнотах, как у Толи имеется море информации, чем питаются наши высшие партийные руководители и прочие небожители.

Нет, если придти в большую библиотеку, чтобы найти интересный рецепт, это вполне можно сделать. Только времени на это придется потратить в сотни раз больше, чем навести курсор и просто щелкнуть кнопкой мышки.

Для начала нужно найти время приехать в библиотеку. Затем поработать с длинным рядом каталогов и выбрать нужные формуляры книг, притом, никто не гарантирует, что в этих книгах найдется нужная вам информация. Затем пишете заявку, где перечисляете выбранные номера ваших книг и если библиотека продвинутая, пневмопочтой отправляете заявку в кни-

гохранилище. Проходит часа два, и вы с кучей книг усаживаетесь за стол, перелистываете их и обнаруживаете, что нужной информации в них не имеется.

Вновь отправляетесь к каталогу, ищете новую литературу. Но в это время звенит звонок. Библиотека заканчивает свою работу.

– Ничего страшного, приходите завтра, – с улыбкой советует библиотекарь, глядя на ваше огорченное лицо. А вам не до улыбок, впустую прошел выходной день.

Все это я вспоминал, пока облизывался, как кот на сметану, на блокнот напарника. Очень уж хотелось ознакомиться с его содержимым.

Толик под влиянием небольшой дозы алкоголя, стал довольно благодушен и, заметив мои взгляды, кидаемые на блокнот, протянул его мне.

– Держи, можешь переписать все рецепты себе.

– Не жалко? – спросил я.

– У меня таких блокнотов дома штук десять, так, что здесь только малая часть записей, бери, пока я добрый, – сообщил напарник.

Естественно, я от такого предложения отказаться не мог и, прихватив блокнот, ушел к себе в комнату. Надо было срочно переписать всё, а то назавтра Толик, протрезвев, потребует вернуть его записи.

Остаток декабря прошел незаметно. В посольстве готовились к встрече Нового Года. Какой-то финский фермер привез красивую елку, ее установили в холле посольства, и все кто мог активно принимали участие в ее украшении. Мы же с Семенихиным были избавлены от этой заботы, за нами был праздничный стол. Последние дни перед тридцатым первым декабря мы работали по стахановски, стараясь выполнить все пожелания работников посольства. У финнов к этому времени основной праздник Рождество уже заканчивался, поэтому гостей из финского МИДа ожидалось немало, и нам нельзя было ударить в грязь лицом.

Все же празднование Нового года не прием президента Финляндии, поэтому никто не озаботился наймом работников какого-нибудь ресторана, и нам с Толиком пришлось крутиться и вертеться, командуя добровольными и не очень помощниками, чтобы вовремя накрыть столы для фуршета, убирать посуду и прочее. Начальство с идеей фуршета согласилось не сразу. Сам посол, слегка нахмурившись, заметил, что фуршет – это западная выдумка и не гоже нам, советским людям брать пример с капиталистов, экономящих даже на еде. Но нам с Толиком удалось уломать сопротивлявшихся этой идее личностей. Главное в наших доводах было то, что иностранные гости поймут, что в Советском посольстве работают современные люди, открытые новым веяниям.

Но все когда-нибудь заканчивается, закончился и 1975 год. Впереди нас ждал новый, 1976, но, как я не напрягал мыслительные способности, чтобы вытащить из памяти, сколько ни будь важную информацию об этом времени, ничего полезного из прошлой жизни вспомнить не смог. Ну, кому, скажем, интересно, что в августе этого года в прошлой жизни я развелся с первой женой? Отвечу, никому. Даже самой первой жене, потому, что в этой жизни она понятия обо мне не имеет. Чья она сейчас жена я тоже не имею понятия и мне это совсем не интересно.

Первые пару дней января мы с Толиком приходили в себя, после праздника. Упахались тогда изрядно. Но жизнь не стоит на месте, да и мы не в 2020 году, где первую половину января никто не работает. Мы ведь сейчас в далеком прошлом, когда в январе в Советском Союзе отдыхают только дети на каникулах. А все остальные со второго числа, как миленькие, отправляются на работу. Так и нам нужно было выйти на работу уже с утра первого января.

Январь, февраль прошли незаметно, в работе, а вечером в занятиях борьбой и робких попытках заняться рисованием под напором своего соседа, горевшего желанием привлечь меня к этому делу. Особых успехов у меня не было, но, по крайней мере, свободное время я проводил с пользой, а не просто так, уставившись в телевизор.

Как-то у меня даже нашлось время съездить с экскурсией, организованной в посольстве, в Ловиису, где наши специалисты строили финнам атомную станцию.

М-да, ну, что могу сказать после увиденного, если бы мы так всегда строили, как там, не было бы в мире лучших строителей, чем простые русские парни.

Все мои планы полетели к чертям третьего марта, когда вечером ко мне приехал Тойво Пеккарайнен в сопровождении еще одного солидного финна средних лет.

Выглядел Тойво понуро и растеряно. Несколько раз пытался что-то сказать, но начинал плакать.

Его спутник, когда мы зашли в мою комнату, плотно закрыл дверь за собой и усадил Тойво на стул.

Предчувствуя недоброе, я предложил гостю кресло, а сам уселся на кровать.

– Видимо, разговор придется начать мне, – сказал незнакомец, покосившись на спутника. – Я, Эйнар Салонен поверенный в делах семьи Ритты и Армаса Пеккарайнен. С прискорбием сообщаю, что ваша родственница и её муж погибли в автоаварии неделю назад. Дело в том, что Вы упомянуты в завещании покойной. Вам оставлен в наследство дом в городе Йоэнсуу, Рауханкату 40 и кафе по адресу Кауппанкату 18.

Хочу вам сказать, что если вы желаете вступить в права наследования, вам в течение трех месяцев необходимо подать заявление в налоговую службу округа Йоэнсуу.

– Как это произошло, – задал я ненужный сейчас вопрос, чтобы хоть что-то сказать. В голове царил полный кавардак.

– Эйнар пожал плечами.

– Ну, как это обычно бывает. Машину занесло на скользкой дороге, и в нее врезался лесовоз Скания. Ритта и Армас скончались на месте.

При этих словах Тойво снова всхлипнул.

– Мы будем молиться за Ритту и Армаса, надеюсь, что они умерли с именем Господа на устах, – сказал он и снова замолк.

– Эйнар, – обратился я к поверенному в делах по имени, в финском обществе разрешается такое, несколько фамильярное для русского слуха, обращение. – Так понимаю, что как чиновник с определенным статусом вы сможете от моего имени обратиться в налоговую службу с соответствующим заявлением.

Тот согласно кивнул и молча ждал, что я скажу дальше.

Проговорили мы еще около часа, потому, что моего бытового словарного запаса явно не хватало для переговоров в судебно-чиновничьем стиле. Больше всего меня интересовал вопрос, может ли Эйнар представлять интересы иностранного гражданина. Оказалось, может. Хорошо, что Салонен следовал известному правилу, все свое возить с собой, поэтому он достал из портфеля нужные бланки и печать, и мы быстро заключили с ним договор о том, что он будет представлять мои интересы, как наследника.

Очень хотелось попенять Тойво, что тот не поставил меня в известность во время и похоронил родственников без меня. Но, глянув на его печальное лицо, говорить ничего не стал. Спросил только, где и когда Ритта и Армас были похоронены. И пообещал, что приеду на их могилу, как только смогу.

Распрощались мы, когда на часах было почти одиннадцать.

Но мой сосед не спал, и стоя в дверном проеме, внимательно наблюдал, как я провожаю неожиданных гостей.

– Это кто еще такие? – требовательно спросил он, когда за незваными гостями закрылась дверь.

– Ритта с Армасом погибли в аварии, – ответил я. – Вот родственники приезжали сообщить.

– На похороны приглашали?

– Нет, их уже похоронили неделю назад.

– Интересно, – задумался сосед, – И чего тогда они приезжали, не иначе старуха тебе что-то оставила?

– Ничего особенного, дом и кафе, – ответил я и под Толин изумленный возглас зашел к себе и уже в дверях произнес.

– Извини, совсем нет настроения, сегодня об этом говорить. Пойду я лягу, завтра пообщаемся.

Утром сосед особо ко мне не приставал. Спросил только, когда собираюсь съездить на кладбище.

Ответил так же, как и финнам, как только найду время. Больше по дороге мы ни чем не говорили.

Я же думал в это время стоит ли самому рассказать начальству о случившемся, или Толик сделает все за меня.

Напарник действительно не смог держать язык за зубами, поэтому ближе к обеду меня вызвал к себе Никодимов.

– Заходи, присаживайся, – такими словами встретил меня наш главный кегебешник. – Ну, рассказывай, что там у тебя произошло, твоя старушка дала дуба, говорят?

– Да, Ритта Пеккарайнен вместе с мужем погибли в аварии.

– Сочувствую, – сообщил Никодимов, хотя сочувствия в его глазах не было ни капли. – Ну, и кто к тебе вчера приезжал, давай, не тяни, рассказывай, что тебя понукать нужно. Ты должен был сразу ко мне придти и все сам доложить внятно и понятно.

– Так я ничего и не скрываю, приезжал вчера брат ее мужа Тойво Пеккарайнен с приятелем. Рассказал мне об аварии, и что Ритта завещала мне всю свою собственность.

– Ого, – воскликнул Никодимов. – И, что же она тебе оставила?

– Дом в Йоэнсуу, и кафе тоже в отдельном здании. Кроме того, деньги на счету, чтобы заплатить налог за наследство.

– Хм, неплохо, неплохо, – проговорил собеседник, постукивая карандашом по столу. – А чего же она этому Тойво ничего не завещала?

– Понятия не имею, возможно, не видела смысла, Тойво фермер, в собственности у него большая ферма, молокозавод, а детей нет, ему бы со своими проблемами справиться.

– Ясненько, – протянул Никодимов, – Ну, что же неплохо, стране валюта нужна. Значит так, с сегодняшнего дня ты живешь в посольстве, никуда не выходишь, вещи твои из квартиры сюда привезем.

Как только появилась возможность, отправим тебя домой, а твоим завещанием займется консульский отдел. Там такие зубры сидят, сделают все, комар носа не подточит.

– Не переживай, – добавил он, заметив мою озадаченную физиономию, – все будет в порядке, подпишешь доверенность на ведение наследственного дела и поедешь в Союз, как наследство оформят, деньги тебе выдадут уже дома, сам понимаешь, получишь все до копейки чеками Внешторгбанка. У нас никого не обижают. А валюта нужна нашей стране, ты же комсомолец, должен все понимать. Думаю, что часть денег тебе следует передать в Фонд мира.

– Ни хрена себе! – возмущенно думал я. – Как быстро меня взяли под колпак, значит, все мое наследство получают, продадут, денежки захапает родная страна, а мне выдадут чеки, мол, покупай все, что пожелаешь, ни в чем себе не отказывай. Блин! Что же делать?

Меня же теперь будут пасти, хрен сбежишь. Короче, Саня, решайся, или уходишь сейчас, или едешь домой и ждешь у моря погоды. Ладно, сейчас слегка поиграю в дурака, не ссориться же сейчас с Никодимовым.

– Хорошо, Сергей Геннадиевич, я все понял, вы отлично все объяснили, а то я даже не знал, с какого конца за эти дела браться. Дел с наследством никогда не имел. Ладно, в Союз, так в Союз, и так осталось немного. Я уже дни считал, когда домой поеду.

Никодимов после моих слов явно расслабился.

– Ладно, иди, работай, да и мне надо делами заниматься.

Я спокойно спустился на первый этаж и зашел в столовую. Поздоровался с парой завтракающих охранников только, что сменившихся с дежурства и зашел на кухню.

– Ага, наконец, то появился! – обрадовался Толик. – Давай, займись делом, а то я тут напрочь зашился один.

Я машинально помешивал суп в большой кастрюле и буквально кожей ощущал, как уходит время.

– Что делать, что делать? – молотом отдавалась в голове назойливая мысль.

Ближе к двенадцати часам, наконец, решился.

– Толик, я выйду на улицу, минут на пятнадцать, что-то голова побаливать начала.

Напарник, сосредоточенно украшавший очередной торт, согласно мотнул головой.

– Иди, прогуляйся, можешь даже на двадцать, у нас вроде все готово.

Когда я вышел из дверей посольства, один из охранников лениво спросил.

– Санек, куда это ты собрался, кто нас обедом накормит?

Я улыбнулся.

– Не волнуйтесь, обед будет по расписанию. А я прогуляюсь немного, видимо, перегрелся у плиты.

В душе я ликовал.

– Никодимов, ты мудака! Спасибо, что охране ничего не сказал.

Медленно прогуливаясь, я свернул за ближайший поворот и стал крутить головой в поисках такси.

На мое счастье желтая машина уже двигалась навстречу мне.

Пожилой финн, сидевший за рулем, услышав адрес, лишь легким движением бровей выразил свое недоумение.

Действительно, по финским понятиям взять такси, чтобы доехать туда, куда можно дойти за двадцать минут прогулочным шагом – это нонсенс.

Но клиент платит и он всегда прав.

Через пять минут я уже заходил в квартиру, где прожил почти полтора года.

Торопливо собрал вещи в рюкзак, проверил документы и понесся вниз по лестнице к своей машине.

Побросав вещи в багажник, уселся в кабину. Волга завелась с полтыка, немного прогрел двигатель, я выехал со двора и направился в Дойче-банк.

В помещение банка, суеты не наблюдалось. Посетителей тоже. Поэтому я сразу обратился к бездельничающему клерку.

Узнав о моем желании кое-что, забрать из хранимых в сейфе вещей, тот внимательно прочитал мой заграничный паспорт, удостоверился в наличии ключа и вызвал еще одного служащего.

Вместе с ним, мы спустились в подвальный этаж здания и, пройдя пост охраны и две бронированные двери, оказались в большой комнате, стены которой были закрыты сотнями сейфовых дверей.

Пожилой усатый финн подвел меня к моей ячейке, и мы с ним вставили два ключа в замочные скважины.

Дверца открылась, после чего мой спутник покинул помещение, давая мне возможность разобраться со своими финансами.

Не знаю, кто обменивал Ритте деньги, но это точно был не банкир, Стодолларовых купюр практически не имелось, в основном в пачках были двадчатки и десятки, притом разной степени потертости. Оттого и кучка казалась довольно внушительной.

Кроме денег в сейфе лежал еще небольшой сверток. Развернув его, я увидел, что там лежат массивные золотые часы. В коротенькой записке, лежащей там же, Ритта объясняла, что это часы ее деда, и она оставляет их мне, как единственному наследнику рода.

Часы, как и большую часть финансов, я оставил на месте. Кто знает, как у меня все сложится, пусть денежки полежат еще немного в безопасности.

Поднявшись в офис из хранилища, я попросил обменять пять тысяч долларов на марки, и пять тысяч забрал в американской валюте.

Собственно, мне уже было плевать на секретность все равно, если кто-то и узнает, хуже, чем есть уже не будет.

Доллары мне обменяли мгновенно, зато марки я получил новенькие, еще пахнущие типографской краской.

Рассовав их по карманам, я вышел из банка и поехал к ближайшей почте, надо было заказать телефонный разговор с братом или мамой, как получится, но лучше с братом.

Паша Красовский в это время был занят. Очень занят. День у него сегодня начался неплохо. Когда их группа собралась к одиннадцати часам в аудитории, к ним зашла расстроенная преподавательница с кафедры госпитальной терапии.

– Ребятки, – обратилась она к студентам. – Вы уж извините, так получилось, что меня отправляют в командировку. Поэтому придется вам сегодня заниматься самостоятельно. Но вы люди взрослые, шестой курс, как никак, и я на вас надеюсь.

Радостные медики дружно заверили Тамару Викторовну, что все непременно посвятят всё занятие учебе.

Когда женщина закрыла за собой дверь, в аудитории начались восторженные вопли.

Их прервал строгий голос старосты Машки Парамоновой.

– Ребята, не разбегаемся, вы не забыли, сегодня у нас два дня рождения и кто-то обещал устроить девочкам праздник перед восьмым марта.

– Сегодня еще только четвертое, – раздался голос Мишки Тараканова.

– Все нормалек, – вмешался Красовский. – Сейчас мы с Михой сбегает в магазин за винищем, а девочки дуйте в столовую, там сегодня котлеты и салатики из квашеной капусты, самая та закуска.

Через полчаса в аудиторию, где на столе уже стояли тарелки с салатом, холодцом и котлетами, ворвались два запыхавшихся парня. В руках у одного звякала внушительная сумка с бутылками, а у другого два букета мимоз, типа веник.

Как всегда, первые тосты звучали, сковано, но по мере принятия внутрь спиртного атмосфера в аудитории становилась свободней. Девчонки раскраснелись и сами спокойно трювили анекдоты, которые бы в трезвом виде никогда бы не рассказали.

К их глубокому сожалению в группе имелось всего два парня. Но если основательного Мишу Тараканова уже с первого курса приватизировала Ирка Сафонова, то легкомысленного балабола Пашку Красовского захомутать пока никому не удавалось.

Но сейчас он сидел рядом с Ленкой Яковлевой красивой цыганистого вида девчонкой и методично подливал ей в кружку сладкий ликер.

Ленкина подруга, Наташа Савинкова, толстая несимпатичная девица, старше подруги лет на пять, с неодобрением смотрела на это представление.

– Ленка, не пей больше, – периодически шептала она ей. – Не слушай этого балбеса.

Пашка же продолжал методично забалтывать Ленку, уже слегка окосевшую от алкоголя.

– Слушай, Лен, шептал он ей в ухо, – пошли потом ко мне, у меня такие записи есть, закачаешься, первая перезапись с пластинок, Бони М, Лед Зеппелин, Донна Саммер. Мне брат с Финляндии прислал.

– Ты что, дура? Не ходи, – горячо шептала Савинкова подружке.

– Да, что ты меня все время отговариваешь? – возмутилась та. – Вот возьму и назло тебе пойду.

За этим разговором никто особо не следил, все уже разбились на кучки и тархтели о чем-то, о своем.

Именно в этот момент в дверь аудитории, закрытую на швабру, кто-то постучал.

Когда швабру убрали, в аудиторию зашел завкафедрой госпитальной терапии профессор Гущин.

– Что за вертеп тут творится? – спросил он раздраженно.

Машка Парамонова, прожевав остаток котлеты, вышла вперед и храбро заявила.

– Празднуем наступающий день Восьмого марта, имеем право.

Профессор, окинув масляным взглядом мощные Машкины буфера, уже тоном ниже произнес.

– Товарищи студенты, я все понимаю, но можно было бы вести себя и потише.

Все его дружно заверили, что будут вести себя тише и вообще, уже заканчивают сабантуй.

Ну, что идем ко мне? – уже на улице спросил Пашка, прижимая Ленку к себе.

– Идем, – хихикнула та, боязливо оглядываясь на свою подружку.

– Давай, от нее убежим, – предложил Пашка и, схватив подругу за руку, увлек за собой.

– Стой, Ленка, ты куда? Не ходи с ним! – пыхла Наташка, пытаясь догнать убегающую парочку. Но куда ей было тягаться с не обремененными жировой прослойкой сокурсниками. Поэтому она безнадежно отстала.

Все это сейчас вспоминал Паша, лежа в постели. Ленка Яковлева мирно сопела в подушку рядом с ним, одетая только в тонкую простыню.

– Черт, это надо же, как повезло, что маман собралась в гости к дяде Пете съездить, – в который раз подумал он. – Что-то Ленка долго спит, надо бы ее разбудить, кофейку дернуть, и продолжить наш сексуальный марафон.

Он встал с кровати, достал из открытой пачки Опала сигарету и, подойдя к открытой форточке, хотел закурить.

Именно в это время раздался телефонный звонок.

Подняв трубку, он услышал уставший голос телефонистки:

– Квартира Красовских, Павел Владимирович?

– Да, это я.

– С вами будет говорить Финляндия. Вы согласны?

– Ага, – выдавил Павел.

– Паша, привет, это Саша, – раздался в трубке спокойный голос брата. – У меня к тебе серьезный разговор, поэтому слушай внимательно.

Когда Александр Красовский вышел из кабинета, третий секретарь посольства Никодимов на секунду подумал, что где-то прокололся и что-то не то сделал. Но он отбросил эти мысли и занялся своими делами. Работы хватало, нужно было свести в одну пояснительную записку все сообщения внутренних осведомителей и сформулировать соответствующие выводы.

Но все же какой-то внутренний червяк вгрызлся в его мысли и не давал покоя.

– М-да, надо же было дать указание охране, не выпускать Красовского из посольства. Мало ли что ему в голову придет, пожалуй, надо звякнуть на пост, – решил он часа через полтора.

Никодимов снял телефонную трубку и по внутреннему телефону позвонил начальнику охраны.

– Василий Александрович, отметь у себя, пожалуйста, с сегодняшнего дня Красовскому запрещен выход из посольства. Спрашиваешь, что натворил?

Пока ничего, но мера превентивная, давай, действуй.

Положив трубку на место, он потянулся и зевнул. Мысли текли плавно и, не торопясь.

– А неплохо с наследством парня получилось. Надо уточнить, сколько в валюте потянет его недвижимость. Конечно, мне ноль копеек от этого достанется, но руководство должно оценить, как я все быстро провернул.

Размышления Никодимова прервал телефонный звонок. Звонил начальник охраны.

– Что же ты, Сергей Геннадиевич, поздно звонишь, – начал он свою речь с наезда, – твой подшефный уже час, как покинул посольство в неизвестном направлении.

Выругавшись, Никодимов бросил трубку выбрался из-за стола и направился на кухню. А там уже во всю шло дознание, осуществляемое начальником охраны. Тот дико орал и матерился на двоих злосчастных парней – охранников, которым не повезло быть свидетелями ухода Красовского.

Семенихин сидел потный, в своем поварском колпаке и периодически повторял.

– Он же сказал, выйдет минут на пятнадцать, проветрится и все. Что вы сразу сбежал, может, он под машину попал, или плохо стало, не исключено, в больницу парня увезли.

– Как же, попал он под машину, хрен там, сучара, наверно, уже в полиции заявление катает на политическое убежище, – зло подумал Никодимов. Мысленно он уже распрощался с очередным званием, и готовился к отбытию в Союз.

Хоть повар далеко не дипломат, но даже побег повара ему никто без последствий не оставит.

Собравшись, он взял себя в руки и принялся распоряжаться.

– Так, Саньч, быстро организуй машину. Дорога каждая минута. Сейчас скатаемся на квартиру, посмотрим, все ли вещи Красовского на месте.

Анатолий Владимирович, – обратился он к повару. – Ключи от квартиры гони.

Семенихин скрылся в подсобке и через минуту вынес ключи.

Никодимов схватил их, сунул в карман и быстрым шагом направился к себе. Начальник охраны, погрозив пальцем охранникам, последовал за ним.

Оставшись втроем, охранники и повар переглянулись, после чего один из охранников развел руками и произнес.

– А мы чо? А мы ни чо, нас никто в известность не ставил. И вообще непонятно, что на пацана нашло, до сегодняшнего дня парень был, как парень, разве, что серьезный не по годам.

Толик в ответ тихо сообщил.

– Парню наследство прилетело немалое от родственницы, вот у него крышу и снесло. Утром его Никодимов к себе вызвал и видно чем-то напугал, он и рванул, куда глаза глядят.

А что толку, финны всех таких беглецов назад возвращают, сами знаете. И в карманах у него пусто, наследство, наследством, так до него еще сколько ждать.

– Машины Красовского на месте нет, – сразу отметил водитель посольского автомобиля, когда вся кампания заехала во двор пятиэтажки.

Никодимов, сидевший рядом с водителем, с холодком в душе почувствовал, как быстро увеличиваются его шансы на возвращение в Союз и службу на Колыме.

Войдя в квартиру, он ринулся в комнату беглеца и сразу понял, что не ошибся. Вещей повара в комнате не было.

– Не волнуйся, Сергей Геннадиевич, никуда он не денется, в американское посольство его охрана не пропустит, и на машине раскатывать денег у него не хватит, – успокаивал начальник охраны третьего секретаря посольства.

– Как же, денег нет у него? – скептически думал Никодимов. – Вчерашние визитеры вполне могли ему энную сумму оставить, хотя хрен их знает, финны прижимистый народ, много не дадут. Ладно, с Красовским все ясно, сбежал, сука, надо возвращаться в посольство и докладывать по инстанции.

Как назло посол уехал в Москву, а первый советник еще тот кадр, палец дай, по локоть руку отгрызет. Но делать нечего, надо идти сдаваться.

Люда Красовская пришла домой около шести часов. Переодевшись, разобрала сетку с продуктами и уселась на кровать. Делать ужин не хотелось. Включила телевизор и снова улеглась в койку.

Но встать все-таки пришлось, потому, что в дверь кто-то решительно постучал.

– Иду, иду! – на всякий случай крикнула Люда и пошла к двери. Открыв её, она с удивлением увидела своего шурина.

– Паша, привет, что-то случилось? Да проходи ты, не стой в дверях, – предложила она.

Раскрасневшийся от мороза и быстрой ходьбы, Павел поздоровался и, заявив, что пришел поговорить по важным вопросам, с удовольствием скинул с себя милицкий тулуп, подаренный отцом, в котором щеголял последние годы.

Сумку, принесенную с собой, он занес в комнату и положил на пол, а сам уселся за стол.

– Люда, понимаешь, тут такое дело, – начал он издалека.

– Пашка, хватит мямлить, – прервала его невестка. – Говори все как, есть, что-то с Сашей случилось, или Клара Максимовна заболела?

– Нет, – поморщился парень. – С мамой все в порядке. В общем, Сашка сбежал из посольства и остался в Финляндии.

– Как? выдохнула Люда. – Как сбежал, зачем? Ничего не понимаю.

– Короче, наша родственница оставила ему наследство, приличное, а в посольстве у него захотели все это наследство ну, не совсем отобрать, а отдать только часть чеками Внешторгбанка, а половину отданного перечислить в Фонд мира. Ну, а Сашкец, распахивался и сбежал. Ты же знаешь, какой он, когда его разозлить.

– Не знаю, – покачала головой Люда. – Я его злым никогда не видела. Увы, видимо, я его плохо знала, никогда бы не подумала, что он способен на такой поступок, значит деньги ему дороже, чем я?

Последние слова она уже почти кричала со слезами на глазах.

Пашка смотрел на невестку и поражался, как точно брат описывал будущую реакцию жены на его слова.

– Люда, пожалуйста, успокойся, послушай меня. Я сегодня разговаривал с братом, он специально позвонил сразу после побега, чтобы никто не успел нас подслушать. И он мне кое-что рассказал.

– И что же тебе рассказал этот гад, предатель!?

– Ну, во-первых, он сказал, что любит тебя и не собирается расставаться навеки, и как только подвернется случай, заберет тебя к себе. Во-вторых, он сказал, что первое время на нас, его родственников начнется давление, будут требовать, чтобы мы заявили, что не хотим иметь ничего общего с предателем страны, и являемся патриотами своей Родины.

И, в-третьих, он предположил, что у нас могут возникнуть проблемы с работой, поэтому решил помочь деньгами.

– Какими деньгами? – растерялась Люда.

– А сейчас поглядим, какими, – сказал Пашка, доставая из сумки молоток и отвертку.

– Люда,ними, пожалуйста, цветок с подоконника, – попросил он невестку.

Та, заинтригованная словами шурина, молча убрала горшок и поставила его на стол.

Пашка осторожно простучал толстую подоконную доску и дернул ее на себя. В образовавшуюся щель между ней и оконной рамой воткнул отвертку и, действуя ей, как рычагом, отодвинул подоконник еще дальше, а потом вообще снял его из пазов.

Сунув руку в открывшуюся нишу, вытащил оттуда небольшой сверток.

Развернув его, и увидев две пачки сторублевок, он присвистнул и сказал.

– Знаешь, только сейчас поверил, что Сашка не сочинял. Здесь двадцать тысяч рублей, десять тысяч он просил оставить тебе, а десять тысяч нам с мамой.

– Откуда у него такие деньги!? – выдохнула Люда. – Почему я о них ничего не знала?

Пашка пожал плечами.

– Объяснять ничего он не стал, сказал только, что все расскажет, когда придет время. Просил только не шиковать и тратить деньги на нужные вещи.

Да, и последнее, он сказал, что ты должна для себя решить, хочешь ли остаться здесь, в Советском Союзе, или уехать к нему. Сам же он любит и ждет тебя. Он написал адрес, по которому ты сможешь ему писать, это адрес его нотариуса, занимающегося наследством. Сама понимаешь, много в письмах не напишешь, теперь мы надолго будем под колпаком у КГБ. Думаю, что Сашкец быстро найдет способ увезти тебя за рубеж, он отличный повар, и голова у него варит, будь здоров.

– Waiting! Waiting for the sun! – хриплый голос Джима Моррисона гремел, заполняя децибелами салон автомашины. В унисон ему я тоже громко орал.

– Вэйтин, Вэйтин фо зе сан!

Машина плавно неслась по высохшему под мартовским солнцем шоссе, хотя вокруг простирались заснеженные поля и перелески.

Время близилось к шести часам вечера, но было еще светло. Закончив переговоры с Пащкой, я сразу выехал из Хельсинки в сторону Йоэнсуу.

Очень удачно получилось, что маман отсутствовала, и я смог обговорить без воплей и шума все вопросы, оставалось только надеяться, что у родственников все сложится хорошо. Вряд ли мне еще раз удастся позвонить домой. Скорее всего, на центральную АТС дадут команду не соединять мамин номер с загранкой, а если соединят, то записывать будут непременно.

Вчера с Салоненом я обговорил массу вопросов, в том числе намекнул, что возможно приеду в ближайшие дни побывать на могиле четы Пеккарайнен, в ответ он сообщил адрес соседки Ритты, у которой есть ключ от ее дома. Она, кстати, знает, что я являюсь наследником.

В Йоэнсуу я приехал, когда уже изрядно стемнело, горло немного саднило от трехчасового подпева ансамблю The Doors. В городе редкие фонари плохо освещали улицы и почти у всех прохожих в руках имелись фонарики. В темноте я ухитрился проехать нужный поворот и потом еще минут пятнадцать пытался найти дом Ритты.

В отличие от соседних зданий, светящихся занавешенными окнами, этот стоял, выделяясь только черным силуэтом на фоне звездного неба.

У соседки на дверях имелся бронзовый молоточек с блюдцем, издавшим мелодичный звук, когда я стукнул в него этим молоточком.

– Terve, – робко сказал я, когда дверь открылась.

– Terve, Alex, – невозмутимо ответила пожилая женщина, как будто я к ней приезжал тысячу раз.

– Я пойду, схожу с тобой, – произнесла она, снимая связку ключей с крючка прикрепленного на стене рядом с дверью.

Зайдя в дом, она включила рубильник в щитке, и в коридоре загорелся свет.

Мы с ней прошлись по комнатам, после чего, рассказав мне, где взять дрова, как включить и выключить обогреватели и прочую технику, соседка засобиралась домой, сделав напоследок комплимент.

– Алекс, оказывается, ты уже неплохо говоришь по-фински, удивительно. В том году я тебя с трудом понимала.

– Ничего удивительного, – подумал я, – когда погружаешься в языковую среду, учеба идет сама собой.

Поблагодарив женщину и пообещав, что когда буду уезжать, все аккуратно выключу, и закрою, и ключ верну ей.

Оставшись один, первым делом я затопил печь. Носить дрова не пришлось, они уже лежали в большой берестяной корзине.

Зная, что печь даст тепло часа через три-четыре, а в доме был изрядный дубак, я перебазировавшись на кухню, где включил тепловую пушку и на газовой плите заварил большую турку кофе.

Усевшись за стол, налил полную кружку ароматного напитка и развернул пачку галет, купленных по дороге.

Отпивая мелкими глотками кофе и разгрызая галеты, я машинально скользил взглядом по сторонам и размышлял о бренности человеческой жизни.

Буквально вчера, в этом доме жили два пожилых любящих человека, они встречали здесь рассвет, радовались жизни, встречали гостей, и вот их уже нет, а в доме сидит дальний родственник, в общем-то, совсем чужой человек.

Наверняка, Ритта, оставляя мне дом, надеялась, что я буду жить в нем, и воспитаю здесь своих детей.

Увы, прости, старушка, но, скорее всего этого не случится, хотя рано мне зарекаться, никто не знает, что произойдет завтра, или даже через пять минут.

Улегся я спать поздно и долго не мог заснуть. Все мысли были о родных. Особенно переживал за жену. Трудно ей сейчас придется. Но что сделано, то сделано. Да и сейчас не сталинские времена. В тюрьму не отправят и с работы не уволят. Разве что на Люду наедут на работе, чтобы подала на развод. Пашка заканчивает учебу в этом году, поедет работать в деревню, как и собирался. У отца по партийной линии могут быть проблемы, но у него есть отмазка, он ушел от нас одиннадцать лет назад и с него все взятки гладки.

В конце концов, я заснул.

К утру дом прогрелся, и вставать было гораздо комфортней, чем ложиться спать.

Сделав небольшую зарядку, я сделал мыльно рыбные процедуры и начал одеваться, сегодня нужно было много чего сделать.

Первым делом я заглянул к соседке. Ханна-Мария Нюлунд вчера пообещала съездить со мной на кладбище.

Когда я зашел за ней, она уже была в боевой готовности, и мы поехали на городское кладбище. Там немного постояли у могилы, Ханна-Мария прочитала молитву. После этого я отвез женщину домой, а сам направился к Эйнару Салонену.

Его офис занимал несколько кабинетов делового здания в центре Йоэнсуу.

Оставив машину у входа, я зашел в приемную.

Двое пожилых финнов сидели в креслах, ожидая приема, а за стойкой находилась молодая девушка, встретившая меня дежурной улыбкой.

Она поинтересовалась, по какому вопросу я появился. После того, как я объяснил, что являюсь наследником Ритты Пеккарайнен, она встала и скрылась в кабинете шефа.

Выйдя из кабинета и вновь усевшись за стойку, она сообщила, что мистер Салонен примет меня через сорок минут, так что я вполне могу зайти в соседний кафетерий и провести время за чашечкой кофе.

Я решил последовать ее совету и не прогадал, кофе со сливками оказался бесподобен, так же, как и свежая выпечка.

Явившись, через тридцать пять минут в офис, обнаружил, что посетителей там уже нет. А еще через пять минут меня пригласили зайти к Эйнару Салонену.

Тот предложил мне присесть и спросил:

– Алекс, ты же обещал, что приедешь через неделю. Что-то случилось?

– Случилось, – сказал я. – Понимаешь, Эйнар, в посольстве узнали о наследстве и в связи с этим решили меня отправить домой, а заниматься наследственным делом поручить сотрудникам консульского отдела.

– Хм, но ты же подписал договор со мной? – недоуменно произнес Салонен.

Я усмехнулся.

– Меня со вчерашнего дня решили держать в посольстве под замком, пока не отправят в Союз.

– Так ты убежал из посольства? – наконец, сообразил этот тугодум.

– Убежал, – согласился я, – И приехал к тебе посоветоваться, как дальше быть?

– Понимаешь Алекс, – задумчиво произнес Салонен, – Я являюсь поверенным в делах Ритты Пеккарайнен в моих обязанностях довести до всех заинтересованных лиц её завещание. Мы с тобой кроме этого подписали договор, что я представляю твои интересы в государственных органах страны для вступления в наследство, за что получаю соответствующую оплату, из тех денег, что лежат сейчас на счету покойной.

А решение твоих неприятностей, как ты понимаешь, тоже стоит денег...

– Все понятно, – прервал я его длинную тираду, достав из кармана тонкую пачку марок. – Сколько будет стоить твоя консультация?

На лице собеседника появилось озадаченное выражение.

– Я слышал, что сотрудникам вашего посольства валюты на руки практически не дают, – тихо пробормотал он, и уже обращаясь ко мне, сказал.

– Очень хорошо, стоимость консультации тебе скажет моя секретарша. Ну, а сейчас давай разберем конкретней все твои проблемы.

– Ну, что же вроде с документами мы разобрались, – вздохнул нотариус спустя час. – Теперь надо решить вопрос с твоей машиной. Повезло, что Ритта дала тебе доверенность на автомобиль с правом продажи. Так, что ты оформишь сейчас продажу самому себе. Потом придется мне еще съездить с тобой в комиссариат полиции.

– А зачем эти лишние хлопоты, – спросил я. – У тебя и меня других проблем хватает.

– Алекс, ты наверняка знаешь, что у нашей страны заключен договор с Советским Союзом, и мы вынуждены выдавать всех ваших беглецов обратно. Уверен, что в скором времени наш МИД получит требование о твоей выдаче.

Ты же не хочешь такого финала?

– Не хочу, – сообщил я, догадываясь, что предложит собеседник.

– А раз не хочешь, то придется тебе уехать в Швецию, там сможешь подать заявление предоставлении тебе постоянного места жительства в этой стране, ну, или гражданства. Только ПМЖ тебе могут дать довольно быстро, а вот гражданством будут проблемы. А уж потом, когда на тебя будет оформлено наследство, мы попытаемся добиться для тебя ПМЖ в Финляндии.

И ехать в Швецию лучше на машине, которая по документам принадлежит именно тебе, а не родственнице. Тем более, как я теперь понимаю, кое-какие деньги у тебя имеются.

– Все понятно, – сообщил я, понимая, что придется расстаться еще с энным количеством марок.

– Я сейчас позвоню своему коллеге в Стокгольме, попрошу его помочь тебе с подачей заявления. Кстати, как у тебя со шведским языком? – спросил Эйнар.

– Никак, – вздохнул я.

– Понятно, а с английским?

– Ну, с английским у меня полный порядок, – улыбнулся я, заговорив на языке Байрона и Шекспира. – Намного лучше чем с финским.

– Так, что же ты мне голову морочил!? – рассердился Салонен, тоже переходя на английский язык. – Мы бы в два раза быстрее обо всем договорились, уже надоело тебе каждое слово объяснять. Надо было финский язык лучше учить, раз бежать собирался, а то говоришь, как будто каши в рот набрал.

Мысленно я усмехнулся. Соседка Ритты утром сообщила, что я намного лучше стал говорить по-фински, а Салонен, наоборот, считает, что я говорю на нем еле-еле.

После того, как мы перешли на английский язык, у нас, действительно, дело пошло быстрее.

Мы оформили договор купли продажи автомашины и пешком отправились в комиссариат полиции, расположенный на другой стороне улицы.

Но тут мы слегка затормозили. Несмотря на протекцию Салонена, техталон на машину мне обещали сделать только завтра.

– Ну, ладно, – успокаивал я сам себя, – сейчас у нас в посольстве переполох, решают что делать, где меня искать, когда еще ноту составят. А до этой ноты ко мне здесь официально не подкопаться. Заграничный паспорт с открытой визой на весь 1976 год имеется, деньги есть, машина есть, через три месяца будет дом и кафе. О! Кстати! Надо съездить посмотреть, что в кафе творится. Я, конечно, Салонену верю, что там все в порядке, но раз есть возможность своими глазами взглянуть на свою будущую собственность, надо её использовать.

Оплатив работу нотариуса у его улыбочивой секретарши, я распрощался с ним до завтра, пообещав зайти перед отъездом. В приемной у него уже сидели клиенты, поэтому мы долго не разговаривали.

Появилась мысль съездить к Тойво, но без приглашения ехать было неудобно, поэтому я зашел в магазин, и, купив кое-что к ужину, отправился в дом Ритты, своим я его еще боялся назвать, чтобы не слазить.

Сегодня в нем уже чувствовался жилой дух, исчезла влажность. Но я все же принес еще две охапки дров, чтобы к вечеру еще раз протопить печь.

Книг в доме не было ни одной, кроме библии. Но её читать не хотелось, перелистнув пару страниц положил библию на столик, а затем включил телевизор, чтобы не сидеть в мрачной тишине.

Через некоторое время выключил телик и улегся спать, чтобы компенсировать бессонную ночь.

Проснулся около семи вечера, жрать хотелось не по-детски и я начал готовить ужин.

Когда телятина в духовке уже подрумянивалась, в дверь кто-то постучал.

Открыв её, на пороге я увидел Ханну-Марию с пожилым мужчиной видимо её мужем.

В руках женщина держала нечто завернутое в полотенце и пахнущее пирогом.

Они стояли молча и смотрели на меня, ожидая приглашения зайти.

Я их ожидания оправдал, и пригласил заходить, сообщив, что очень рад встретить гостей, тем более что они пришли, как раз к ужину.

Парочка зашла в дом, разделась в коридоре и прошла в комнату.

Ханна-Мария сразу заметила раскрытую библию на столе и одобительно улыбнулась.

Она представила мне своего мужа Мартина, после чего я пригласил их к столу. Пирог с брусникой, который они принесли, пришелся очень кстати. Потому, что о десерте я забыл.

Говорят, что финны малоразговорчивы и не очень любопытны. Однако к Нюлундам это не относилось.

Отведав телятину, запеченную в фольге, с гарниром из отварного картофеля и цветной капусты, Мартин пришел в восторг и заявил, что я готовлю лучше покойной Ритты и его жены.

– Да, Мартин, надо бы тебе аккуратней быть со словами, – подумал я, глядя на Ханну – Марию. Скорее всего, та ему их еще припомнит.

Сидели мы довольно долго, старики много чем интересовались, все же я вскоре должен стать их соседом, но, в конце концов, выдохлись.

Тут я и задал вопрос, интересовавший меня со вчерашнего дня.

– Ханна, Мартин, вы знаете, когда я учился в школе, у меня был одноклассник Толя Нюлунд. Мы с ним учились до восьмого класса. Я уже тогда знал, что у него есть родственники в Финляндии, потому, что он иногда приносил в школу жвачку и неплохо одевался. С того времени я о нем ничего не слышал. Хочу спросить он случайно не ваш родственник.

Ханна засмеялась.

– Слышал Мартин, правду говорят, что мир тесен. Алекс, в Петрозаводске живет младший брат Мартина, Оскар. А твой одноклассник – это наш племянник. Мы всё о нем знаем. Он окончил университет, и работает строителем. Мартин даже два года назад ездил к ним в гости, к сожалению, Оскара, с семьей к нам пока не выпускают, хотя мы постоянно посылаем им приглашения.

После слов Ханна я вспомнил, что Ритта мне как-то говорила, что у соседей тоже есть родственники в Карелии, но тогда не обратил внимания на её слова.

Сейчас же я понял, как мне нехило повезло, появился какой-никакой канал связи с Карелией. Как рассказала Ханна, Мартин летом собирался съездить в Карелию в гости к брату и ему будет несложно опустить в почтовый ящик письмо, адресованное Люде. Думаю, что мои письма, посланные почтой из Финляндии, тоже дойдут до адресатов, но будут перлюстрированы вдоль и поперек.

Ближе к десяти часам вечера я проводил соседей до дома и, вернувшись, стал готовиться ко сну.

Уже, когда ложился в кровать подумал.

– А ведь Никодимов может запросто вычислить, где я сейчас нахожусь и прислать своих ребят, чтобы меня по-тихому упаковать. Он вполне мог их вызвать из Ленинграда. В КГБ хватает таких спецов с открытыми визами.

Другое дело, что вряд ли из-за меня в Питере поднимут большой шумер, кто я такой, чтобы так рисковать? Мелкая сошка, не заслуживающая внимания. Обо мне даже в газетах не напишут и, слава богу.

Мысль, пришедшая в голову, никак не уходила. Даже спать расхотелось. Я снова оделся, вышел на улицу и загнал Волгу в пустой гараж, где Ритта держала свою Ладу.

– Приедут, редиски, увидят, что машины нет, дом закрыт, может, не полезут? – думал я, заходя в дом и тревожно оглядываясь по сторонам.

На всякий случай ушел спать в мансарду, а на люк, которым закрывался выход винтовой лестницы, поставил комод.

Снова, как и в первую ночь, заснул не сразу. Никто за мной ночью не явился, так, что утром я встал продрогший от холода, так, как закрытый люк не пропускал теплый воздух с первого этажа, а обогреватель я включить забыл.

Спустившись, быстро отогрелся в тепле и начал собираться в путь. Мне еще предстоял сегодня визит в полицию и в автосервис. До Стокгольма путь неблизкий, почти полторы тысячи километров, и надо обязательно проверить машину.

Мы с Салоненом обсудили и другой, маршрут, намного короче, но решили с паромной переправой не связываться. А на севере, граница со Швецией не охранялась от слова совсем. Только фуры осматривались таможей, да и то спуска рукава.

И снова уехать в этот день мне не удалось. В начале пришлось долго ждать документов в комиссариате, у меня даже появились нехорошие мысли, не задерживают ли меня специально. Но через час мне с извинениями вручили документы, и я поехал в автосервис. А там, как назло

пришлось стоять в небольшой очереди. Хотя я и привык к кажущейся финской неторопливости, но сейчас она до жути раздражала, когда я смотрел на размеренно работающих мастеров. Так и хотелось им дать пинка, чтобы шевелились быстрее.

Ближе к четырем часам мои мытарства все же завершились. На полностью заправленной машине я выехал из автомастерской, облегчив свою мошну, уже и так облегченную нотариусом и комиссариатом.

Сегодня с утра моросило, а к вечеру дождь перешел в мокрый снег. На улице было серо и тоскливо.

– Поеду, пожалуй, завтра, – подумал я, глядя на то, что снегопад становится все сильнее. – Зато если выеду с утра, за день проеду северную Финляндию и половину Швеции. Переночую в мотеле, а к середине дня буду в Стокгольме. А пока надо навестить кафе, которое вскоре станет моим.

Однако, подъехав к кафе, я обнаружил, что ключи от него я оставил дома, и теперь могу только походить вокруг и полюбоваться на закрытые двери и задернутые жалюзи.

– Ладно, – вздохнул я, усаживаясь в машину. – Через три месяца мне это кафе еще в печенках будет сидеть, пока организую его работу. Хорошо хоть, что Салонен взял на себя заботу по оплате счетов и налогов за дом и кафе, которые мне придется ему компенсировать.

Дома у Ритты я ночевать не решился и на всякий случай остановился в ближайшем мотеле по дороге на Куопио. В прошлой жизни я бывал в Финляндии не один раз и могу сказать, что через сорок четыре года ночевка в мотеле станет намного дороже. Сейчас же все удовольствие обошлось мне в несколько марок.

Ночь прошла спокойно, я почти не просыпался, несмотря на то, что от сильного ветра неприятно шуршал утеплитель в стенах.

Утром, выйдя на улицу, обнаружил, что снег продолжает падать и шоссе, проходящее в нескольких метрах, уже во всю чистят грейдеры. Температура резко упала, и по погоде можно было подумать, что все еще в разгаре февраль, а не первая декада марта.

Поежившись, я зашел в бар мотеля и слегка перекусил. Купил в запас свежий батон и налил полный термос кофе. После этого очистил от налипшего снега машину и тронулся в путь. По занесенной снегом дороге пришлось ехать осторожно, не более семидесяти километров в час.

Когда проехал километров двести, погода стала меняться, снега стало сыпать меньше и периодически проглядывало солнце. Под его лучами асфальт быстро высыхал, и вскоре можно было притопить педаль газа. Настроение сразу поползло вверх, я включил магнетолу, и сейчас балдею, слушаю прошлогодний альбом Pink Floyd «Wish you were here».

Как давно я его не слышал, но сейчас слушал, как в первый раз и вспоминал то, другое лето 1977 года, когда мы с моим другом заполучили эту пластинку и записывали ее на пленку. Закончилась запись тем, что пьяный в дугу приятель вызвал для меня такси. Куда я, качаясь, как тополь на Плющихе, влез со своим тяжелым «Юпитером», доставшимся мне, как говорил Аркадий Райкин, через товаровед, через зав. магазин, и стоившим вместо трехсот пятидесяти рублей все пятьсот.

Если бы маман знала, сколько на самом деле стоил этот магнитофон, её бы точно хватило удар. Но деньги были мои, заработанные честным трудом проводника на сдаче бутылок и провозе зайцев.

Ближе к часу дня, я почувствовал, что изрядно проголодался и решил остановиться, чтобы перекусить. На финских дорогах обочин нет, поэтому пришлось катиться до ближайшего кармана, предназначенного для отдыха водителей.

До Швеции оставалось подать рукой, но я решил все-таки подкрепиться перед границей.

В заезде, кроме меня никого не оказалось. Разложив на сиденье тряпицу, я выложил на нее; батон, остатки тушеной говядины, картошку, приправленную сливочным маслом и большой термос с кофе.

Погода, между тем, снова начала портиться, опять пошел снег, но на этот раз не мокрый, а сухой, неприятно колющий лицо.

– Блин! Надо быстрее перекусить и сматывать удочки, – подумал я и откусил большой кусок батона с мясом.

В это время в снежной круговерти из ближайшего лесочка появилась темная фигура и направилась прямо ко мне.

– Кого еще там несет? – подумал я. По мере того, как фигура приближалась, стало понятно, что идет невысокая лыжница, почти по пояс, проваливаясь в снег. Лыжи вместе с палками она тащит на плече.

Когда она с громким стоном облегчения выбралась в расчищенный заезд, я понял, что это девушка, лет двадцати, в синем лыжном костюме и типичной скандинавской шапочке с ушками. Одна лыжа у неё была сломана почти посередине и сейчас она с удовольствием бросила эти обломки, как дрова под скамейку.

Брюки лыжницы потемнели от воды по середину бедер. Но ей, явно было не холодно после прогулки по глубокому снегу, это было хорошо заметно по её покрасневшему широкому лицу.

– Явно в ней есть кровь саамов, – подумал я.

– Привет, – сказала она низким грудным голосом, подойдя ко мне. – Довезешь меня до Торнео?

– Привет, – ответил я. – Довезу, конечно, как не довести такую красивую девушку.

Щеки девушки от моего комплимента заалели еще сильнее.

– Деревня, – насмешливо подумал я и чтобы продолжить разговор сообщил.

– Меня зовут Алекс, я еду в Стокгольм. А ты как тут очутилась?

– А меня зовут Туулики, – ответила девушка, румянец на ее щеках начал убавлять интенсивность. – Я хотела на лыжах доехать до Торнео. И вот, не получилось. Как назло, лыжа сломалась. Пришлось от лыжни до дороги по снегу добираться. Еле дошла.

Я улыбнулся.

– Хорошее имя, как раз под такую погоду.

– Туулики тоже засмеялась.

– Мама рассказывала, когда я родилась тоже шел снег и ветер был сильный, вот папа и назвал меня Немного ветра.

Я же это время думал.

– Хорошее сейчас время, девчонка без всякой опасности просит довести до дома. А ты сам не думаешь, что это подстава и сейчас тебя начнут разводить на бабки, обвинив в домогательствах.

Туулики, между тем, голодными глазами смотрела на мой перекус.

– Присоединяйся, – предложил я, наливая ей кофе в крышку термоса и отламывая половину батона с мясом.

– Долго уговаривать спортсменку не пришлось, она уселась на заднее сиденье и с удовольствием пила кофе и болтала со мной.

– Интересно, – подумал я. – Болтливость у нее наверняка от саамов, таких разговорчивых финнов я что-то не встречал.

Через некоторое время я заметил, что девушку потряхивает от холода. А на сиденье вокруг её брюк собирается небольшая лужица.

Я завел двигатель и включил печку на полный обогрев.

Вскоре в кабине потеплело, но лужица на сиденье не уменьшалась.

– Я вышел из машины и, покопавшись в багажнике, нашел свои тренировочные штаны и шерстяные носки.

Заглянул в кабину и, сунув брюки с носками в руки девушки, сказал:

– Давай, переодевайся.

Я не простоял и пяти минут, как дверь машины снова открылась, и мне подали мокрые брюки и носки.

– А девица-то без комплексов, – думал я, выжимая мокрые насквозь штаны и носки.

– Перебирайся вперед, – предложил я, убрав остатки перекуса.

Туулики ловко перелезла на переднее сиденье, отогревшись в сухих штанах и шерстяных носках, она уже не напоминала нахохленного воробышка.

Убрав остатки воды с заднего сиденья, и поставив лыжные ботинки девушки под струю горячего воздуха из печки, я уселся за руль и тронул машину.

До Торнео оставалось ехать тридцать километров, прошла же Туулики на лыжах чуть больше десяти.

– Нехилые на севере Финляндии девушки живут, – одобрительно подумал я. – Сорок километров для них не крюк.

Выехав на шоссе, я снова включил запись Пинк Флойд. Минут десять мы ехали не разговаривая, затем Туулики недовольным голосом сообщила.

– Алекс, что это за музыка? Её же невозможно слушать.

– А что бы ты хотела?

– Чтобы я хотела? – мечтательно произнесла девушка. – Я недавно слышала у подруги песню, называется Шепчущиеся волны, такая замечательная песня. У тебя, её случайно нет?

– Случайно есть, – ответил я и поставил кассету с альбомом Donna Summer «Love to Love You Baby». По мне так тоска полная, а вот девушкам нравится.

Еще некоторое время мы ехали молча, затем девушка спросила.

– Алекс, я думала ты швед, но у тебя акцент не шведский. Ты ведь не финн?

– Я русский, – пришлось ответить мне.

– Врёшь! – широко раскрыла глаза моя спутница. – Никогда не видела русских. Я думала вы такие страшные, бородатые дядьки, а ты на человека похож.

– Правильно думала, мы все так дома и ходим, – подтвердил я. – Пришлось джинсы купить и даже сбрить бороду, чтобы поехать к вам.

Туулики недоверчиво посмотрела на меня.

– Алекс, ты опять врешь?

– Нисколько не вру, – сообщил я в ответ и скорчил рожу.

– Теперь видишь, какой я страшный, как горный тролль.

– Ха-ха-ха, – звонко засмеялась девчонка, – ты совсем не страшный, а смешной. Послушай, мне надоела эта музыка, поставь лучше что-нибудь из Аббы.

– А вот Аббы у меня, как раз и нет, – сообщил я.

– Теперь я поверила, что ты действительно едешь из Советского Союза, заявила девушка. – Только там, у вас, не слышали об этой знаменитой группе.

Ну, вот что делать, не будешь же объяснять ей, что песни этой группы меня, как когда-то выразился мой приятель Мишка Резников, зааббали еще в прошлой жизни. Поэтому сейчас у меня, их и не было.

– Кстати, мы же забыли взять твои лыжи и палки, – решил сменить я тему разговора.

– Ничего страшного, брат через два дня поедет в Кеми и их заберет, – сообщила девушка.

Мысленно я позавидовал честности местных жителей, интересно, сколько бы у нас пролежали на остановке красивые камышовые палки, и лыжи Ярвинен? Пусть даже одна лыжа была сломанной. Думаю, не больше часа, нет, это я очень хорошо думаю, минут десять-пятнадцать, скорее всего.

Так, с разговорами, мы незаметно проехали тридцать километров. Когда показались первые дома Торнео, Тууликке, глянула на свои ноги, одетые в мои брюки и после этого вопросительно посмотрела на меня.

– Алекс, прости, не мог бы ты меня довезти до дома? Я переоденусь, и верну тебе твою одежду.

Улыбнувшись, я сказал.

– Тогда командуй, куда ехать.

Минут через пятнадцать мы остановились около симпатичного домика кирпичного цвета, огороженного невысоким заборчиком.

Девушка выскочила из машины, схватила с заднего сиденья свои брюки, носки и, не забыв надеть лыжные ботинки, унеслась в дом.

Ко мне она вышла минут через десять, уже в цветастом платье, с накинутой на него шерстяной кофтой.

Вернув, брюки и носки и поблагодарив, она спросила.

– Алекс, может, ты зайдешь к нам, пообедаешь по-настоящему, мама сегодня сварила суп из оленьих костей с ягодами можжевельника и тоже приглашает тебя зайти.

– Конечно, я не мог отказаться от такого предложения, тем более что никуда не опаздывал.

Зайдя в дом, я понял, почему меня пригласили. Женщины очень любознательные создания и сейчас мама Тууликки и ее младшая сестра, рыжая девица лет шестнадцати, внимательно разглядывали меня.

Мама, типичная представительница племени саамов, представившаяся, как Импи, пожала мне руку крепко по-мужски, а рыжая веснушчатая девочка засмушалась, сделал книксен, и, уткнув глаза в пол, тихо сообщила, что её зовут Анники. На что старшая сестренка насмешливо фыркнула.

– Пока мама собирала на стол, девушки атаковали меня вопросами, типа, сколько мне лет, куда я еду, что у меня за машина, они такой никогда не видели и так далее.

Спасла меня от допроса Импи. Она пригласила всех за стол и прикрикнула на дочерей.

– Отстаньте от гостя, пусть спокойно поест.

За едой она тоже поблагодарила меня за доставку дочери.

– Алекс спасибо, что привез эту непутевую лыжницу. Говорила ей, чтобы ехала автобусом, так разве послушает, как начала работать кассиром в магазине, сразу взрослой себя стала считать.

– Мама, перестань, – прервала речь матери Тууликки. – У нас гости, мне потом все выскажешь, когда папа придет с работы.

– А вашего папу не Тапио, случайно зовут? – спросил я.

За столом наступило молчание.

– Алекс, как ты узнал его имя? – воскликнула пришедшая в себя Тууликки.

Вместо ответа я продекламировал:

Tapion talon emäntä,
Kaikki kullassa kuhahu,
Hopeissa horjeksihen.

Хозяйка дома Тапио
Двигается вся в золоте,
Покачивается в серебре.

И добавил, – было странно, если бы отца Туулиikki и Анники, звали по-другому. Кстати, имя их брата не Ньюриikki?

– Не угадал, – облегченно засмеялась Импи, похоже, она решила, что я, кто-то типа колдуна, саамы, несмотря на крещение, долго оставались язычниками в душе, – его зовут Мартин. Никогда бы не подумала, что в Советском Союзе так хорошо знают наш эпос Калевала.

– Ну, чей это эпос еще надо поспорить, – улыбнулся я. – Лённрот собирал его у нас в Карелии, где я родился и вырос, – начал объяснять хозяевам свои знания. – Поэтому об эпосе Калевала у нас знают практически все. Конечно, полностью прочитать его захочет не каждый. Существует масса укороченных версий и пересказов.

Когда мне было лет шесть, бабушка подарила нам с братом детское издание Калевалы на финском языке. Я тогда и на русском языке плохо читал, поэтому в этой книге только разглядывал картинки. Но потом бабушка пообещала купить мне и брату велосипеды, если мы сможем ей прочитать Калевалу целиком.

Велосипед мне очень хотелось и я начал понемногу вчитываться, было трудно, но с помощью бабушки я все же через два года её прочитал до конца, хотя, конечно, не все мне было тогда понятно. В результате у меня появился велосипед. Когда стал старше и неоднократно перечитывал книгу, то понял, что бабушка меня просто пожалела, потому, что я в оригинале до сих пор не все могу внятно для себя в ней перевести.

– А брат смог прочитать? – спросила рыжая Анники.

– А брат сказал, что он вполне может покататься на велосипеде, подаренном старшему брату.

Мои собеседницы дружно засмеялись.

– Алекс, – может, ты нам еще что-нибудь расскажешь из эпоса, у тебя хорошо, получается, – попросила Туулиikki.

– Хм, давайте, я вам лучше расскажу стихотворение нашего поэта Валерия Брюсова, «Лесная Дева», этот стих очень подходит для Туулиikki, когда-то в школе я перевел его на финский язык для одной девушки карелки, конечно, очень старался, много раз переделывал, но мой перевод все же далек от оригинала, поэтому сильно не ругайте.

Встав, я принялся читать стихотворение, удивляясь тому, что слова так легко приходят из памяти, все же последний раз я его читал Лиде Ермолаевой больше шестидесяти лет назад.

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил девушку: в сверканьи глаз
Ее – был смех, но губы были строги.
Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлажнивалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.
Мне, сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,
Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянию.
На ветви гуще падал мрак ночной...
Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянию.
Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.

Тропа свивалась долго над оврагом,
Где слышался то робкий смех, то вздох,
Потом скользнула вниз, и вдруг зигзагом,
Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне малой,
Где черной зеленью стелился мох.
И девушка, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.
Приблизился я, как лунатик, к ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.
Она в глаза мне миг один глядела
И, – прошептав холодные слова:
«Отдай мне душу», – скрылась тенью белой.
Вдруг стала ночь таинственно мертва.
Я был один на блестящей поляне,
Где мох чернел и зыблилась трава...
И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспоминаний.
И на рассвете как, не знаю сам,
Пришел я вновь к покинутой дороге,
Усталый, на землю упал я там.
И вот я жду в томленьи и в тревоге
(А солнце жжет с лазури огневой),
Сойдет ли ночь, мелькнет ли облик строгий.
Приди! Зови! Бери меня! Я твой!

Когда я закончил чтение слушательницы сидели молча, глядя на меня не моргающими глазами, как будто я их загипнотизировал своими стихами.

Но вот гипноз прошел и Туулики, посмотрев на меня глазами полными слез, прошептала.

– Алекс, ты ее так сильно любил?

Однако Импи не дала продолжить разговор. Хмуро смотря на меня, она произнесла:

– Девочки, идите к себе, Алексу пора уезжать.

– Уезжать, так уезжать, – подумал я. – Странно, чего я такого натворил, что у неё резко испортилось настроение?

Когда я оделся и собрался выходить на улицу, Импи подошла ко мне вплотную и прошептала.

– Алекс, ты плохо влияешь на Туулики, зачем ты читал эти стихи? Чтобы она думала о тебе и тешилась несбыточными мечтами? У девушки есть жених, они обручены. Не надо портить ей жизнь.

– Импи, о чем ты говоришь? – возмутился я, – У меня есть жена, я её люблю, и не собираюсь с ней расставаться.

– Тогда зачем ты читал привораживающее заклинание? – спросила Импи. После того, как я упомянул, что женат, ее лицо стало не таким хмурым.

– Я просто читал стихи и больше ничего, и вообще, мне пора ехать, спасибо, обед был очень вкусный, – сказал я, взявшись за дверную ручку.

Вышел из дома, конечно, в расстроенных чувствах. Черт меня дернул читать стихи, хотя, все произошло из-за моих ассоциаций Туулиikki в Калевале – Лесная Дева и стихотворение Брюсова тоже – Лесная Дева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.